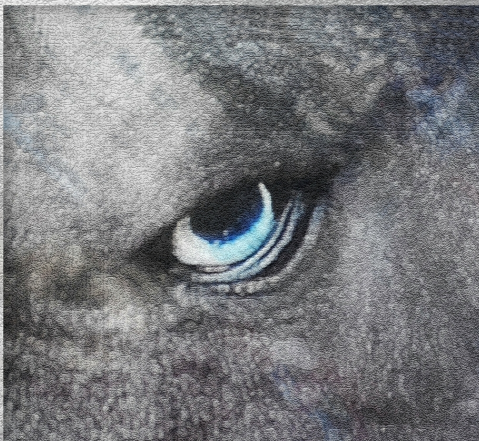

16+

Д.В. ШУЛЬЦЕВ

ВОСПИТАНИЕ
АНГЕЛА

ПОВЕСТЬ
И РАССКАЗЫ

Дмитрий Викторович Шульцев

Воспитание ангела. Сборник повести и рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35743240

SelfPub; 2019

Аннотация

Повесть о юноше, который жаждет приключений. Но один, едва не ставший трагическим случай делает Илью и его друзей участниками смертельно опасных криминальных событий. На помощь друзьям приходят их ангелы-хранители. Криминальная линия повести основана на реальных событиях 60-х-70-х годов 20 века в СССР. Повесть и рассказы объединены одним героем и одним мистическим мотивом: вера/неверие в один момент могут стать знанием/реальностью.

Воспитание ангела

(роман-повесть)

Илья

Неделю назад здесь, на высоком берегу реки Москва рядом с Дорогомиловским железнодорожным мостом, прогуливались парочки, мужики, сидя на склоне, пили портвейн, мамочки толкали впереди себя детские коляски. Окрестный народ любовно называл это место москвашей.

Река постепенно одевалась в гранит и именно здесь строители решили сделать съезд для тяжёлых машин, подвозивших бетонные блоки.

Тут же прошёл слух, что на москваше разрыли еврейское кладбище. Уж почему еврейское, трудно сказать, только звучало это как-то таинственно и, для некоторых, обнадеживающе.

Сейчас на фоне неба и ажурных конструкций моста неподвижно застыл огромный экскаватор. Ковш брошен к подножью выскобленной земляной трёхметровой стены, от него к вершине стрелы уходили расслабленные тросы и цепи. Начало июня. Земля на срезе сочилась ручейками прозрачной воды. Тут и там из расцарапанной зубьями ковша стены на высоте человеческого роста торчали корни деревьев, камни и еще какие-то черные доски.

«Наверное то – гробы» – у Ильи мурашки побежали по спине. Гробы располагались торцами на восток, и экскава-

тор, пятясь на запад, срезал их перпендикулярно, слой за слоем. Это обстоятельство благоприятствовало тем, кто сейчас находился у подножья своеобразного колумбария, поскольку возится со вскрытием трухлявых ящиков не приходилось. С другой стороны, всё содержимое могилы нельзя было увидеть сразу, а чтобы вытащить гроб из-под тяжелой земли как-то не хотелось даже думать.

Машинист не торопился и отсекал каждый день один-два метра грунта по всей ширине холма. Приходил рано, работал до обеда, обедал и... уходил.

Первоначально чувство ревности к нему как к первооткрывателю – или первоотрывателю – заставляло кладоискателей приходиться заранее и ждать, напряженно всматриваясь в каждый квадратный метр обновлённого среза. Но машинист проявил себя как ленивый лопух, которому нет дела до сокровищ и который на эти сокровища только иногда мочился сверху, стоя на гусенице машины или щелчком выстреливал вниз горящие окурки из окна кабины.

Большую часть «золотого гумуса» увозили грузовики – тут уж ничего не поделаешь. Попытки покопаться в кузове пресекались шоферами быстро и безжалостно. Но и того, что оставалось, было вполне достаточно.

Кладоискатели – местные пацаны – заступали на основную вахту в субботу и воскресенье, когда техника не работает.

Илья из конспирации не взял с собой ничего, что могло

указать на то, что он идет искать клад. В растерянности он долго топтался на месте, пока один из копателей вдруг громко не вскрикнул. Илья издали увидел, как что-то сверкнуло на грязной ладони. Тогда он решился тоже попытать счастья и направился туда, где примерно на высоте его роста из срезанного склона торчала черная доска. Крепко ухватился и потянул. Доска не поддавалась. Тогда он стал раскачивать ее из стороны в сторону, с каждым разом все шире и сильнее. До него доносились восторженные восклицания тех, кто столпился вокруг счастливичика, и это еще больше раздражило Илью. Наконец доска пошла.

Ещё одно героическое усилие, и огромный пласт земли оторвался от стены и рухнул, увлекая за собой доску и Илью. Из земли осталась торчать только Илькина голова. Дыхание на мгновение остановилось, но через секунду он издал дикий вопль. Ребята бросились на помощь. Очень скоро Илья смог подняться. Он продолжал сжимать в руке злосчастную доску и в этот момент был похож на грязного, средних размеров черта. Однако на него уже никто не смотрел, все уставились на открывшуюся в стене дыру.

Чапа первый подскочил к черному проему, ловко подтянулся и на четвереньках двинулся в темноту. Илья рванул за ним. Испачканный глиной зад Чапы некоторое время маячил перед глазами, но вдруг исчез. Озадаченный, Илья продолжал ползти в полной темноте, и осознал, что впереди поворот, только когда уперся головой в стену. Повернул на-

право и снова услышал натужное сопение Чапы. Илья вдруг сообразил, что сейчас они как раз под экскаватором, и эта мысль как-то сразу превратилась в яркую картинку заживо погребенных мальчиков. Он притормозил, но сзади слышались возбуждённые крики. Илья пополз вперёд. Чапа вдруг перестал сопеть.

Перед ними была железная решетка, перекрывавшую весь проход. Зажжённая спичка осветила пространство за решеткой на расстоянии руки. Единственно, что они успели увидеть – это кусок каменной кладки и... четыре сидящие вокруг гробницы неясные фигуры, с виду человеческие. Что касается последнего видения, то о признании реальности его существования друзьям пришлось договариваться уже на воле, куда они в панике устремились ударяясь головами о стены, обдирая колени и вопя от ужаса.

Яркий дневной свет ослепил их. От боли в глазах оба зажмурились. И тут же в воздухе повис выжженный на сетчатке глаза всполохом пламени спички стоп-кадр только что виденного. Постепенно боль ушла, картинка стала расплываться, лишаясь деталей, позволяющих точно определить, что конкретно они видели, но последовавший подробный и публичный анализ случившегося давал все основания говорить, что видели они кого-то живого. Чапа даже вспомнил, что один из них в последний момент шевельнулся. Все сразу решили, что это, конечно, вранье, хоть и страшное. Но стоя на свежем воздухе да еще в компании друзей, во всё это очень

хотелось верить. «А может монстр какой—мы же его до конца не разглядели...», «интересно, а что они там делают... сейчас?» Последний вопрос был озвучен Мещерей, невысоким, хилым пареньком с живыми блестящими глазами, которые в тот момент готовы были сорваться в крик и ужас.

Сказано было шепотом, мальчишкой, но и этого порой достаточно, чтобы произошло нечто ужасное: в горах, например, это лавина, в лесу – внезапный поток воды за воротник с прогнувшегося листа или сугроб снега на голову с уставшей от тяжести ёлочной лапы...

Над головами компании кладоискателей послышался легкий скрежет, но не такой пронзительный, когда монеткой по стеклу, и не очень высокий. Это был тот еще скрежет, когда вдруг начинают шевелиться огромные металлические конструкции, скрип трущихся друг о друга клепанных листов и натянутых тросов сливается с шумом ветра, и от того становится слышен отовсюду. Это был такой скрежет, что все мгновенно замерли с первым звуком, даже не думая закрыть рот или вытереть соплю. Мгновенно все бросились врассыпную...

Гусеница экскаватора продавила свод прохода и, потеряв равновесие, гигантская машина стала заваливаться на бок. Стрела экскаватора, до того устремленная вертикально вверх, не раскачивалась задумчиво, как в кино, а сразу, выбрав направление, с размаху врезалась свободным концом в землю, согнулась, отыграла всей машиной вверх и, треснув

пополам, мгновенно успокоилась.

Всем повезло. В той стороне, куда она рухнула, к счастью никого не оказалось.

Чапа разлил в граненые стаканы портвейн. Илья глотнул нехорошо пахнувшей жидкости. В голове сразу зашумело, стало душно и жарко.

Они расположились в запретной зоне моста. Высокий забор с колючей проволокой поднимался по крутизне от самой воды до насыпи полотна, там, где стояла зелёная будка охраны.

«Запретка» заросла мелкими деревьями и кустарником, сплетенные ветви образовали сплошную непроходимую стену. В ней кто-то проделал проход к стоявшему в глубине, сбитому как попало из досок и листов железа сараю, похожему на огромную собачью будку. Даже вход был круглый.

Очевидно, сначала сделали короб, а затем прорубили дыру, определил Илья. Он оказался здесь впервые и поначалу долго озирался вокруг. Было непонятно, как такое сооружение не заметили и не уничтожили охранники. Может, сверху его не видно за кронами деревьев? Но зимой-то...

Вокруг будки валялись бутылки, обрывки оберточной бумаги, доски от тарных ящиков, которые судя по обугленным краям, использовались в качестве топлива. Пахло отхожим местом, но не сильно.

Из всей команды кладоискателей Чапа привел сюда троих: Илью, Мещерю и Женьку Ляпустина. В гастрономе на углу «тридцатого» взяли пару портвейна, хлеба и плавленых сырков.

Закупки осуществлял Чапа. Сергей Чаплыгин числился второгодником в восьмом «Б» и выглядел достаточно взрослым, по мнению продавщицы тети Зины. Илья ростом был выше Чапы и шире в плечах, но по физиономии с ее круглым овалом, светлыми волнистыми волосами, мягким носом и наивными серо-голубыми глазами он никак не проходил строгий контроль. Мещеря и Женька, совсем пацаны, отслеживали процесс закупки, примостившись на подоконнике у входа в магазин.

Все прошло гладко и через пятнадцать минут они очутились в «запретке». Оказалось, что Женька здесь не впервые, он как-то сопровождал сюда старшую сестру и ее парня. Сейчас, походив немного вокруг, он обнаружил использованный презерватив, и, подцепив его на палку, разглядывал со всех сторон, очевидно распаяя собственное воображение.

Мещеря с трудом проглотил свою дозу и теперь налегал на закуску. С набитым ртом он вслух зафиксировал открытие:

– Значит, есть еще места в нашем районе, где не ступала нога человека.

– Наверное, богатый был еврей, – произнес Чапа, наливая по второй, и это были первые слова по делу, которое их сегодня здесь объединило.

Он порылся в кармане и достал кусочек золота от коронки, которую час назад скovyрнул с нижней челюсти отрытого черепа.

– Жалко, что все рухнуло, – вздохнул он. – Илья, а ты кроме этих... ничего больше не разглядел?

Илья пожал плечами. Теперь что об этом думать. Там, на кладбище, наверняка сейчас уйма народу, кричат, ищут тех, кто все это устроил. Склеп, конечно, обнаружат, что найдут – заберут...

Снаружи в круглом проеме появилась палка с презервативом на конце.

– Жень, да выброси ты эту гадость, – в сердцах крикнул Илья и тут же осекся.

Вместе с палкой в сарай пролезала фигура в фуражке и в погонах.

Чапа среагировал мгновенно, и бутылка исчезла со стола еще до того, как из-под фуражки показалась красная морда милиционера.

– Так-так, – стандартно по-ментовски, с этакой вкрадчивой интонацией и одновременно с нарастающей мощью приближающейся электрички, произнесла морда, – презервативы. Вино!

Милиционер, наконец, протиснулся в сарай и теперь нависал над ребятами словно хищное чудовище. Фуражка чуть ли не упиралась в потолок, и он был вынужден пригнуться, от чего голова оказалась ниже плеч и теперь при осмотре по-

мещения слегка покачивалась между сержантскими погонями.

– Здравсьте, – только и смог произнести Илья.

Почему-то выдвинутое обвинение касательно презерватива возмутило его и вогнало в краску. Чапа, наоборот, спокойно и с достоинством, как вождь индейского племени, поднял руку и произнес:

– Здравствуйте, Михаил Иванович. Какими судьбами?

– А такими, уважаемый товарищ Чаплыгин, что вы сейчас прекращаете вашу гулянку и проходите со мной в отделение всей компанией.

Очевидно, что сержанту было жарко и душно в этом маленьком и грязном помещении, поэтому чудовище с кокардой во лбу попятилось задом к выходу, зачем-то продолжая держать перед собой палку с болтающейся на ней «резиной». Это было похоже на отступление на заранее подготовленные позиции, а палка должна была угрожать и сдерживать наступающего противника.

Ребята напряженно следили за его маневрами.

В освещенном проходе рядом с задом милиционера мелькнуло испуганное лицо Женьки. Он успел показать два пальца за мгновение до того, как зазор между телом сержанта и проходом исчез и в сарае на короткое время стало темно. Значит, милиционеров двое.

Внезапно Чапа схватил Илью за руку и прошептал:

– Ты как хочешь, а я тикаю.

Развернулся и плечом с силой надавил на заднюю стенку сарая. Доски неожиданно легко поддались, и Чапа исчез в образовавшемся проёме.

Илья схватил Мещерю за рукав.

– Ты чего сидишь, пошли, – зашипел он.

Но Мещеря отдернул руку и покорно, кряхтя, двинулся к выходу.

– Ну, чего вы там? – говорящая часть сержанта появилась в проеме.

Илья сначала заметался, но, решив, что Мещеря ему больше друг, чем Чапа, тоже вышел. Второй милиционер, помоложе, крепко держал за ремень Женьку. Другой, свободной, рукой он подхватил и Мещерю.

Илья достался сержанту. Когда тот грубо схватил его за ворот рубашки, Илья дернулся, но тут же покорно встал рядом.

«Взрыв моста не удался. Партизаны были захвачены в плен», – подумал он.

– Ты чего ухмыляешься? – спросил его сержант. – А четвертый где?

Илья неопределенно мотнул головой.

Это было не отделение, а опорный пункт ДНД. Комната с засаленными обоями голубого цвета, на столе консервная банка, приспособленная под пепельницу и отвратительный

запах томительного безделья и тупой неподвижности, сочетающий в себе водочный перегар и миазмы заполненной до краев пепельницы.

Сержант по хозяйски подхватил стоявший у двери табурет и установил в центре комнаты. Одного его взгляда было достаточно, чтобы дежуривший в пункте мужичок с красной повязкой куда-то исчез.

Молодой напарник сержанта, по виду только что из армии, уселся за стол, деловито сгреб в ящик стола мусор, вытряхнул туда же пепельницу, достал из планшета чистые листы бумаги и замер в готовности.

У Ильи сложилось впечатление, что этот парень пришел досмотреть кино, в котором он сам только что принимал непосредственное участие. Очутившись в четырех стенах, в пространстве, ограниченность которого резко уменьшало риски всяких там неожиданностей в форме побега или потасовки, он расслабился и занял удобную позицию стороннего наблюдателя.

Более опытный, сержант Сиротин оставался начеку. Он снял с гвоздя в стене ключ и запер дверь. Ключ положил в карман, затем протопал к окну и уселся на подоконник, сдвинув задом в сторону горшок с каким-то чахлым растением.

Ребята все это время печально наблюдали за разворачивающимся без их участия действием, и легкий зуд беспокойства и безотчетного страха вползал за воротник потных рубашек, вытесняя надежду на спасение, которая ещё оставалась в те-

чение их короткого этапирования к месту дознания.

Пауза затягивалась. Мещеря напустил на себя вид беззаботного и безобидного паренька, которого вежливо попросили присутствовать только в качестве понятого.

Моторный Женька дрожал правой ногой и, похоже, не находил себе места. В отведенном ему одном квадратном метре он совершал круговые перемещения, все время оставаясь, однако, лицом к окну, точнее половине окна – вторую половину занимал грузный силуэт участкового.

У Ильи настроение было никакое. Он впервые попал в милицию и, как не старался, не мог представить своё ближайшее будущее. В конце концов он сложил руки на груди и застыл в позе Овода при встрече со священником-отцом из недавно прочитанной книги.

Наверное тем самым Илья повел себя вызывающе, потому что именно в его сторону повернулась верхняя часть темного силуэта в фуражке.

– Фамилия?

– Ульянов, – непонятно почему соврал Илья, и тут же рядом прошелестело правдивое эхо друзей: «Мещерин... Ляпустин...»

– Садись, – скомандовал силуэт.

Илья разжал руки и шагнул вперед, но Женька оказался проворнее и уселся прежде него, пропустив табурет между ног. Приказ конечно относился к Илье, самому заносчивому из шайки, и его по законам жанра нужно было давить пер-

вого. Однако сценарий был нарушен, и Сиротин недовольно крикнул, прежде чем подняться с подоконника. Тут же лицо его напарника сделалось еще более бесстрастным: его начальник призывал подчиненного подняться из зрительского зала, чтобы вновь занять место на экране. Чтобы сосредоточиться и вспомнить заученную на милицейских курсах роль, парень перевернул листок бумаги, сдул с него пыль, достал ручку и изобразил полную готовность исполнять приказ.

Илья сосредоточил внимание именно на нём, а не на фигуре, от которой явно исходила угроза. Отец учил его не смотреть в глаза дворовой собаке, и сейчас это должно было сработать, хотя похожими на дворняг были как раз он и его друзья.

Грузная фигура сержанта обошла вокруг сидевшего на табурете Женьки, потом еще раз. Он двигался почти бесшумно, только скрипел паркет и сановито похрустывала кожа сапог. Внезапно он схватил Женьку сзади за шею, от неожиданности тот вскрикнул и сделал попытку увернуться. Табурет выскользнул из-под Женькиного зада и врезался в ногу милиционера.

Насколько Илья мог судить из своего богатого на падения и столкновения с окружающими предметами жизненного опыта, удар был не очень болезненный, можно сказать «вскользачку», но, понятно, сержанту нужен был только повод, и Женькин зад и табуретка сделали свое дело.

Женька еще лежал на полу, когда пыльный носок сапо-

га угодил ему в ребра, после чего паренек отлетел к окну и шмякнулся о батарею спиной. У Женьки перехватило дыхание, мгновение он оставался лежать с широко раскрытым ртом и выпученными от удущья глазами. Потом завопил то ли от боли, то ли от страха, да так истошно, что напарник участкового схватился обеими руками за стул, будто боялся упасть, лицо его побелело.

Илья набрал в грудь побольше воздуха и тоже заорал. После чего, почти инстинктивно, как это всегда бывало в дворовых потасовках, ноги его сами спружинили и бросили на обидчика. Он воткнулся головой в темную клинообразную сырую полосу над ремнем, точно посередине спины милиционера и... снес с его головы фуражку. Это был единственный эффект от стремительной атаки. Сержант застыл на месте как валун-каменюга, а Илья рухнул у его ног, в шее что-то хрустнуло и свет перед глазами героя померк.

– Хи-Хаак, помоги, – почувствовал Илья натужный шелестящий шепот у своего уха.

Щеку защекотало прикосновение чьих-то жестких волос. Также ему бывало щекотно от редкой ласки отца, когда его губы касались щеки или лба, а двухдневная щетина (по субботам и воскресеньям отец не брился) задевала нежную кожу и шелестела наждачной бумагой.

– Евреи по субботам не работают, Аратрон, – пророкотал

другой голос, но через мгновение Илью кто-то взял за ноги – под мышками он уже был крепко схвачен, по-видимому, Аратроном, – и тело героя поплыло куда-то в воздухе, покачиваясь из стороны в сторону.

– А я вот в субботу работаю, как ты знаешь... Снова работаю! И все благодаря этому отроку.

Илья слушал, точнее, ощущал весь этот бред, который жил в его больной и безвольной голове, и даже не пытался прояснить, кто это несет его и всю эту чушь.

«Евреи, по субботам не работают, значит, сегодня суббота, – только и сделал он мысленное заключение из происходящего. – Да, сейчас начало июня, год 1967».

Перед глазами Ильи всплыла картина Репина «Арест пропагандиста». Два дня назад они всем классом ходили в Третьяковку. Экскурсовод, женщина с высокой причёской, в серой, обтягивающей большой зад юбке и стоптанных туфлях, без выражения талдычит: *«Все внимание в картине сосредоточено на революционере. Он только что схвачен. Руки скручены на спине. Возле него суетятся сотские и урядники. Пропагандист словно еще силится высвободиться. Зритель чувствует его скрытую энергию, волю к борьбе. Гневный взгляд направлен в сторону мужчины, стоящего у окна. Волосы растрепаны, пуговицы на рубашке оторваны. Особенно остро чувствуется героизм революционера в сравнении со стоящим рядом урядником. Тот словно боится подойти к пропагандисту, дотронуться до него рукой. Откинутая на-*

зад голова, пугливое движение рук, тупое лицо с красным вспухшим носом – все это делает его образ гротескным... Мужики, стоящие у окна и с опаской поглядывающие на революционера, мужик, сидящий на лавке (возможно доносчик), – все эти персонажи с большим тактом дополняют главное содержание, до конца раскрывают сюжет, не споря с образом главного героя».

– А фамилия моя Ульянов, имя Ленин. Родился 13 апреля 1870 года в городе Симбирске.

Только сейчас Илья догадался открыть глаза и тут же дернулся в сторону, уходя из под нависшего над ним огромного и красного, до боли знакомого лица урядника.

– Ну, слава тебе... партии родной. Очнулся! Так ты – Ленин, говоришь? – дохнул кислым Сиротин, затем лицо его поднялось и уплыло в сторону.

Тут же возник испуганный лик Мещери.

– Илька, ты чего? Как ты? Какой ты Ленин! Товарищи милиционеры, он бредит. Это же Илья Шторц. Мы с ним в одном классе...

– Так и запишем, Илья Шторц. Называет себя именем вождя ВОСР.

– Да какой он вор!

–...Великой октябрьской социалистической революции, щеня.

Илья лежал на столе и вопрошающим его было очень удобно склоняться в заботливом участии, трогать за грудь,

хватать за руки, прикладывать мокрую, пахнущую хлоркой тряпку ко лбу. За ним ухаживали, и это хорошо!

Прежде чем снова отключиться, он почувствовал или услышал где-то в углу комнаты уменьшенный в тысячу раз, но очень отчетливый звук уходящего вглубь тоннеля вагона метро, на котором уезжал и прощался с ним некто Аратрон, а рядом с ним, за стеклом кабины машиниста, недовольно бурчал на счет субботы другой некто – Хи-хаак.

Они вышли из опорного пункта какие-то совсем потерянные. Мещеря держал Илью за руку и все время заглядывал ему в лицо.

– Илька, ты как, нормально? – вопрошал он все время, пока они шли до ближайшей беседки.

Рядом передвигался кругами Женька. То забегая вперед, то отставая, он прыгал перед глазами Ильи как мячик, размазываясь в большой голове в рапидный силуэт. Сели, закурили. У Ильи от табачного дыма еще сильнее закружилась голова. Он осторожно слез с ограды беседки и приземлился на скамью. Женька вышел на середину и задрал рубаху. Пальцем пощупал здоровенный синяк на ребрах.

– Вот, сука, уделал как, – с досадой произнес он.—Что я теперь тренеру скажу.

Женька занимался спортивной гимнастикой года четыре. На животе его красиво выпирали мышцы. Сейчас левые два

рельефных квадратика были бордовыми.

– Ты повернись, – попросил Илья.

Поперек спины Женьки протянулась такого же цвета полоса второго синяка от удара о батарею.

– Да, космонавт при приземлении угодил спиной на корень баобаба...

– А что там? – пытаюсь заглянуть за спину, Женька крутанулся так, что чуть не упал.

– Жить будешь, – поморщился Илья от очередного расстроения в глазах Женькиного тела. – Башка болит.

– Ну еще бы, – зачастил Мещеря, – Ты как его боднул, так и рухнул, словно тебя подстрелили. А эта сволочь только покачнулась, да шапка слетела. Он и тебе хотел врезать, тут Женька заорал: «Не бейте!». И я как заору. Никогда так не кричал, даже охрип теперь. Этот, второй, дернулся из-за стола, будто ему гвоздь кто всадил, бумаги все полетели, на кепку сержанта наступил, потом отскочил к стене. Хорошо, что тоже не заорал.

Потом милиционеры схватили Илью за ноги и подмышки, положили на стол и безмолвно склонились над ним в скорбном молчании. Мещеря описал эту сцену так живо и с таким чувством, что даже Женька перестал вертеться и зашмыгал носом.

– Мы уже думали, тебе конец, – заключил Мещеря, —но когда ты про Ленина начал погибать, я всё понял.

– И что же ты понял?

– Что ты живой.

– Ну да. И тут же раскололся. Ты зачем ему мою фамилию назвал?

– Так я же... Мы с Женькой...

– Не надо было им всё рассказывать. Документов у нас с собой нет. Откуда им знать, кто мы такие. Назвались бы капитанами Немо или Паганелями. Теперь родителям позвонят, в школу напишут.

– Так он же участковый. Он нас всех и без того вычислил.

– Всё равно. То он, а то мы ему всё сами...

– Илья прав, – вдруг сказал Женька. – Надо было драться до конца. Как «молодая гвардия». Но и ты, Илья, хорош – Ульянов Ленин! В это же кто поверит?!

– Ладно, проехали, – сказал Илья. Перед глазами продолжала висеть серая хмарь.

– Пацаны, а в комнате кроме вас и ментов больше никого не было? – осторожно спросил он, вспомнив про евреев и субботу, про звук уходящего поезда...

Мещеря понимающе приобнял Илью.

– Свидетелей ищешь? Илька, ты ничего конечно не помнишь. Кроме двух мусоров и нас троих – никого. Деендешника они с самого начала поперли. Вот и все.

– Ладно, пойду домой, – уныло сказал Илья.

Илья застыл на пролете между 9 и 10 этажом, домой идти

не хотелось.

Скандал был неизбежен. Мать работала в ЦК, аж в Кремле, и для нее узнать, что сын попал в милицию, да еще дрался с одним из них, было смерти подобно. То, что информация дойдет, можно было не сомневаться, по крайней мере, до Мещериных родителей и его.

Они жили в доме, где селили работников МИДа, аппарата ЦК, Совмина. Этакий заповедник для среднего персонала. Министры, академики, да и сам генеральный обитали в 26-ом, ближе к центру. Женьке повезло больше, он жил в каком-то полу-частном доме на Маросейке, – пока весть дойдет... А они-то тут, рядом!

Далеко внизу на маленькой спортивной площадке пылили футболисты. Илья различил Авдею по семенящему бегу, тот специально шаркал кедрами по мелкому гравию площадки, столб пыли, поднимавшийся за ним, должен был сбить преследователей с толку или напрочь ослепить. Но для гнавшегося за ним огромного Кареты это были семечки.

Сергея Каретов было на год их старше и на три крупнее и выше. Голова его плыла поверх пыльного сумрака и Авдею приходилось туго, он постоянно оглядывался, уходил в сторону от ворот. Затем безнадежно пнул мяч в бок и остановился.

Сейчас Илья посочувствовал его нерешительности, хотя в другой раз обругал бы в пылу битвы, будь он на поле. Хотелось есть и пить, и если с едой было понятно, – в пожарном

шкафу на площадке с пятницы лежали бутерброды, которые мать ему дала в школу, – то воды из пожарного крана не попьешь.

Илья перегнулся через перила и посмотрел вниз. Он во время отказался от намерения как всегда плюнуть в довольно широкий лестничный пролёт, так как, – о чудо! – тремя этажами ниже на него смотрело и улыбалось лицо Чапы.

На подоконнике шестого этажа, на площадке которого Илья оказался через секунду, на первой полосе газеты «Правда» стояло пиво, лежала разломленная буханка хлеба, дополнял натюрморт граненый стакан, наверняка уведенный из уличного автомата с газировкой. Из того же происхождения стакана потягивал пиво Женька.

Чапа обнял Илью и по-хозяйски пригласил к «столу». Пока булькала пивная бутылка, орошая пересохшее горло Ильи, Чапа жевал кусок буханки и они с Женькой молчали.

– Авдей не игрок, – вдруг сказал Чапа. – Много боится. Карета его чуть не раздавил.

Наверное он заметил куда был устремлен взгляд Ильи поверх бутылки, подумал Илья, но тут же осознал, что никуда он не смотрел, он просто пил, ну, может быть, сведя глаза в точку, следил, как исчезает из бутылки пиво, оставляя на стенках жидкую пену.

Илья поставил бутылку на подоконник.

– Я бы так не сказал... – начал он.

– Да ты орал так, – перебил его Чапа, – что все соседи уши

позатыкали.

Оказалось, что они с Женькой только потому и обнаружили его, стоящего на десятом этаже, что он несколькими минутами раньше вслух устроил Авдею самый настоящий разнос.

– Получается, что я говорил и не слышал, как говорил. Я только думал, но не говорил! Нет, оказывается... – пробормотал Илья.

Он окончательно расстроился. Вот так напасть! Но огорчала не сама странность случившегося, нет! Его пугала совсем близкая, – то есть, сегодня вечером – встреча с отцом и матерью.

За столом первый вопрос – отец или мать:

– Что ты сегодня делал, сынок?

– Да ничего, с ребятами гулял, – отвечает Илья как всегда.

А они-то слышат:

– Экскаватор завалил, в милицию забрали, потом курили в беседке, а до этого пили в запретке портвейн.

Реальная возможность – и еще какая – невозможности соврать сегодня родителям. Илья похолодел.

Женька, похоже, прилично захмелел и поэтому не проникся важностью события, смотрел в окно и уплетал хлеб, отламывая его небольшими кусочками, но часто.

– Ну и что, – сказал он, – у нас в доме сосед тоже сам с

собой говорит. Вечно бормочет что-то, ходит в одних трусах и бормочет. Я слушал, слушал – ничего не понял, а ты очень четко все излагаешь.

– Это точно. И громко так, – зафиксировал по обыкновению только факт Чапа и не стал его дальше комментировать.

«Так, домой сегодня не пойду» – решил Илья.

Но куда! Куда податься бедненькому ушибленному на голову, внезапно ставшему чревовещателем, парню 15-ти лет?

Перед Ильей возникли круглые голубые глаза матери, её бледные дрожащие губы и вопросы, вопросы, потом упреки в неуважении и нелюбви, намёки на немедленное увольнение с работы – прощание с Кремлём уже дело решённое, потом звонкая оплеуха и жуткое молчание отца. Не больно и не страшно, но всё очень сжато во времени и от того слишком остро и глубоко.

И в замутнённом сознании как-то трёх-мерно встала картина Красной площади с медленно бредущей от Спасских ворот мамой: в руках платяной узелок с жалкими пожитками, солдатики у входа в мавзолей глядят на неё и сдерживают усмешку, прокручивая в памяти ежедневное мимолётное мелькание её стройных ног и случайные встречи в кремлёвском буфете.

Илья в мгновение пережил эту кошмарную сцену и, пока заглатывал последний бутерброд, принял решение.

– Чапа, деньги есть? Рублей пять.

– Зачем тебе? – Женька от неожиданности даже поперхнулся.

– Да сматываться он собирается, – усмехнулся Чапа. – Что, я не прав?

Чапа не угадывал, он просто поставил себя на место Ильи и другого выхода не увидел.

В школе он был второгодником, а во дворе слыл хулиганом. Для него было обычным делом после очередной проделки спрятаться на время, переждать, пока всё успокоится. Он мог пропадать сутками, не ходить в школу, не появляться во дворе, не звонить друзьям и родителям, а потом, как ни в чём не бывало, проявиться на скамейке перед подъездом классного руководителя, Маргариты Вячеславовны, напугав ее до смерти своими рваными кедами и подбитым глазом.

Первый визит после отлучки был всегда на это место. Индальгенция, полученная от сердобольной Маргариты, безотказно работала на всех уровнях – в семье, у завуча и даже у Александра Ивановича Пахомова – учителя физкультуры.

Но если для Чапы такое решение было простым, то для Ильи оно, во-первых, принималось впервые и, во-вторых, стало сразу каким-то бесповоротным, жёстким. Ведь всё, что ему грозило дома, вот поднимись он сейчас тремя этажами выше, уже случалось не раз, но никогда и мысли не возникало бежать, куда глаза глядят. А тут, на тебе!

По его расчётам, пяти рублей должно было хватить, что-

бы добраться до деда с бабушкой. Он не собирался уходить навсегда, он уходил, чтобы вернуться, и индальгенция у него будет по-круче чем у Чапы.

В том что он её получит, у Ильи не было сомнений: единственный любимый внук. Дед мог поворчать, но бабушка... У Ильи защекоало в носу от воспоминаний о бабушкиных пирогах.

Чапа сходил за деньгами, затем они с Женькой проинструктировали Илью как себя вести на вокзале и в поезде, чтобы тебя не сцапали милиционеры. Женька вызвался снабдить Илью теплым свитером, и они поехали к нему домой.

По дороге купили еще пива и выпили на посошок. Таким образом, Илья сел в электричку на Киевском часов в 8 вечера.

Часа через два Илья сошел в Балабаново, в автобусе на Боровск он занял место рядом с мотором и заснул. Около полуночи он успел запрыгнуть в последний автобус, который отбывал с центральной городской площади в сторону деревни Крестьянка, где обитали дед и бабушка...

Илья бывал у деда с бабушкой в деревне только в дошкольном возрасте. В его памяти осталась река с каким-то кошачьим именем, небольшое взгорье со стороны русла и дедов дом – широкий, темный, низкий.

– Ты, сынок, так и иди вдоль Исьмы, – сказала ему какая-то женщина на автобусной остановке. – Темно уж больно, поди не ошибёшься. Там тропа надавлена широко, не замочишься.

И действительно, прошагав километра два в потёмках, – на это ушло ещё минут сорок – Илья, наконец, увидел и сразу узнал родовое имение.

Огород спускался от дома по откосу к реке и Илья, недолго думая, перемахнул через забор и пошёл напрямик. Света в доме не было. Ещё бы, подумал Илья, времени-то уж сколько. Часов у него не было. На чёрном небе светила луна, что и позволило сделать однозначный вывод – на дворе ночь. Где-то за домом залаяли собаки, и тут парнишка сообразил, что и здесь, у дома, его может поджидать зубастый ночной сторож. Невольно он пригнулся и припустил в обход забора.

Дед Павел почувствовал неладное, еще когда Илья только двинулся от реки к дому. Уж больно подозрительно вдруг все разом завыли и забрехали собаки.

Деревня стояла на отшибе от больших дорог, но наличие рядом излучины Исьмы делало её довольно популярной среди рыбаков, охотников и туристов – байдарочников.

Место было замечательное, и эта замечательность средне-русской природы наблюдалась именно со стороны дедова дома. Потому на берегу реки, сразу за забором внизу огорода, часто определялась ватага весёлых и крикливых мужчин и

женщин, жаривших шашлыки, играющих в волейбол. Громкая музыка лилась из приёмников, пробивая серные пробки деда, и сводила его с ума. Бабка Матрёна только вздыхала и тайком передавала нежданным гостям то молочка, то хлебушка, а то и самогонку.

По этому поводу у них с дедом был постоянный разлад, что обоим сильно не нравилось – всё-таки прожили вместе, Бог знает, сколько лет – но, что бабка не считала зазорным, а наоборот добрым и, что греха таить, прибыльным делом, дед категорически воспринимал как отказ от классовой борьбы и падение нравов.

В войну дед был смершистом, таковым и остался на всю жизнь. Проработав после войны в Боровске в районном отделе ОГПУ и уйдя на пенсию в 60 лет, он продолжал проверять и перепроверять всех, с кем жил рядом, выявляя явных и потенциальных врагов советской власти, а случайных прибрежных постояльцев вообще готов был отстреливать по одному или всех разом и топить в реке.

Илье, когда он подошёл к двери, было невдомёк, что его уже отследили и поджидают. Дед действительно тайком от жены встал с постели и в исподнем затаился у двери, накинув задвижку для верности.

Послышался сначала слабый, а затем всё более настойчивый стук.

– Кто там? – дед решил сразу общаться с пришельцем

сурово, но от натуги поперхнулся и зашёлся надсадным кашлем застарелого курильщика.

Илье было жутко неудобно, так, без предупреждения, ломиться в дом, поэтому начал он говорить с дедом через дверь почти шёпотом.

– Дедушка, это я, Илья. Открой.

Дед зашёлся в кашле ещё пуще, не слыша, что ему говорит Илья и выговаривая в промежутке между приступами:

– Шляются тут... Иди отсюда, а то милицию...

За дверью что-то упало и покатилося. Илья, обалдевший от голода и холода, а теперь от страха, что дед упал и теперь ему никто не откроет, рыдая, перешёл на крик:

– Дее..д, пусти!

Краем глаза он вдруг обнаружил, что рядом с крыльцом стоит собачья будка и из неё вылезает собака.

От природной трусости пёс Полкан до поры скрывал от Ильи свои способности сторожа: незнакомый человек, что у него там на уме, еще прибьёт, пожалуй. Однако голос хозяйина, хоть и из-за двери, придал ему уверенности, а невзрачный вид худого и дрожащего от холода паренька просто раззадорил. Полкан рванул на всю длину цепочки и схватил Илью за лодыжку.

От неожиданной острой боли Илья скатился с крыльца, на его счастье, в сторону, где Полкан не мог его достать.

Вот тут Илья перешёл на мат. Терять-то было нечего: в родном краю его не признали, дверь не открыли и собаку

еще напустили. Дед как раз закончил с кашлем, и вся матерная тирада в крик обрушилась на него всей своей невыносимой тяжестью.

– Ах вот ты как!

Дед ринулся из сеней в избу, оттолкнув возникшую на пороге бабу. Та не успела и слова сказать, как через мгновение он с необычайной резвостью проскочил перед ней обратно в сени и, на ходу, как в старые добрые времена, от пояса разрядил точно в середину двери два заряда тяжёлых дроби.

Илья рухнул как подкошенный. Здоровенная щепка вместе с застрявшей в ней картечной пропиткой глубоко вонзилась в предплечье и прошла насквозь. Часть заряда от второго выстрела, уже не встречая преграды, попала в грудь и силой толкнула Илью на землю.

Сени наполнились едким пороховым дымом, от чего дед окончательно обессилил от надсадного кашля, а бабу, ничего не понимая, но по своему обыкновению бесстрашно подхватила его и уложила на кровать. Затем, переждав некоторое время, она тихонько откинула щеколду и выглянула на улицу.

Одного взгляда на распостёртое тело внука – почему-то она сразу уверилась, что это Илья, – было достаточно для того, чтобы глаза бабу Матрёны закатились, и она медленно сползла по косяку на пол.

Очнулся Илья от боли в правой руке. Глаза упёрлись в низкий потолок с серыми разводами. Протянул здоровую руку чтобы нарисовать на нём рожицу – печальную, с большими круглыми глазами, но потолок вдруг выгнулся, ускользая, и с лёгким хлопком, как скатерть по столу, волнами разбежался по углам, натянулся и замер.

– Слава тебе, Господи, очнулся!

Илья скосил глаза – в проёме двери застыла бабка Матрёна.

– Пашка, чёрт старый, – крикнула она через плечо, – иди посмотри, что ты натворил.

Дед, ссутулившись, протиснулся в комнату.

– Чего тут смотреть, пусть доктора смотрят. По мне – так живой, и слава Богу, – проворчал он, потом вдруг громко всхлипнул, быстро наклонился и поцеловал Илью в лоб. – Прости меня дурака, Илюша.

Илья дёрнул правой, больной, рукой, чтобы остановить вскипающие слёзы и вскрикнул от боли.

– У, окаянный, – бросилась к ним бабка. – Изыди!

– Это что за шум, а драки нет? – услышал Илья незнакомый голос.

– А вот и доктор, – с облегчением сказал дед.

Доктор обработал раны, попросил Илью повернуться на бок и, одномоментно с лёгким шлепком, вогнал в Илькин зад длинную иглу с обезболивающим.

– В Москву его везти надо...

Доктор вдруг резко повернулся к деду и уставился на него в упор немигающим взглядом.

– У мальчика есть имя?

– Чего?—опешил дед.

Доктор дёрнул щекой, опустил шприц, который до сих пор направлял на деда, как ствол пистолета, прикрыл глаза рукой, снимая очки, неожиданно рассмеялся.

– Я спрашиваю, на какое имя направление писать?

– Илья... – успокоился дед. – Илья Викторович Шторц.

– Вашему внуку повезло,—сказал доктор. – Дробь застряла в куртке и в толстом свитере. Я вытащил из-под кожи всего три дробины, а вот с рукой сложнее. Здесь нужна операция. Похоже, щепка задела сухожилие.

Илья «поплыл», не дожидаясь, когда доктор вынет иглу из ягодицы. Снова перед глазами потолок с наведёнными сезонной испариной причудливыми тёмными разводами. Пугающая лёгкость тела – не удержать!

Он решил не сопротивляться подхватившей силе, которая, со всей очевидностью приближала его к потолку на расстояние вытянутой руки. Показалось очень важным скорее исправить неясность случайных контуров до признания в них тех реальностей, которые помогут ему вернуться из влекущей выси.

Но потолок сделал вдох, раздуваясь в необъятный купол,

Илья взмыл в самый центр полусферы и застыл в невесомости.

– Ты только посмотри на него – космонавт Леонов, да и только, – раздался откуда-то справа показавшийся ему знакомым голос.

В ответ со всех сторон послышался шелест одобрительных смешков, будто кто прошёл совсем рядом, нарочно загребая ногами сухую осеннюю листву.

Илья попытался скосить глаза, но зрачок остался на месте, упираясь в потолок. Однако с некоторой задержкой взгляд его прочертил дугу вниз и вправо, и он увидел...

На круглой капители одной из четырёх колонн, поддерживающих купол, сидел длинный, сухой как палка человек. Илья вздрогнул. Он узнал эту костлявую руку, на которую опиралась склонённая голова, по перстню с камнем красно-голубого свечения. Это был один из тех, кого увидели они с Чапой там, в могильном подземелье. И лицо!... лицо сидельца странным образом было обращено к нему под невозможным для обычного человека углом, будто ему свернули шею.

Человек резко повернулся к нему в профиль, обращаясь к кому-то справа, и Илья тут же получил разгадку: спереди и на затылке рельефно выступали два одинаковых остроносых профиля.

– Хи-хаак, – сказал человек, – у нашего подопечного совсем отсутствует чувство страха. Ты заметил, что он никак

не реагирует на моё двуличие?

– Он просто в шоке, монсеньор, – ответило скрытое зыбким свечением нечто, располагавшееся на соседней колонне.

– Но я требую к себе уважения, – двуликий в упор уставился на Илью. Лицо его имело такое выражение, какое было бы у зазубренного топора после промаха по полену, развернись вдруг его лезвие в неведомом измерении в полноценный фас лица. – Возможно он меня не видит?

– Видит, уважаемый Аратрон, но оболочка его на данный момент лишена самого главного, чем он мог бы выказать вам свое уважение, – мышц.

– Да, но он только что взмахнул рукой и развернулся!

– Это моя заслуга, сэр, иначе перед вами торчал бы только его зад.

– А ты что здесь делаешь, Фуль? – Аратрон обратил передний лик, куда-то за спину Ильи.

И тут же нечто по имени Хи-Хаак сорвалось со своей колонны и крутануло Илью на сто восемьдесят градусов.

– Этот юноша не из твоего астрала, – с нажимом заключил Аратрон.

Илья уже приспособился к роли телекамеры, меняющей ракурс и фокус по воле нечто по имени Хи-Хаак, и теперь, так же как этот бездушный оптический аппарат, отстранённо и бестрепетно наблюдал, как тот, что назывался Фулем, огромный толстяк, с большой лысой головой, одутловатым

лицом и красными, слезящимися глазами, от рыка Аратрона вздрогнул и начал сползать с вершины колонны, на которой разместилась малая толика его огромного зада.

Но Фуль справился: ухватился руками за край капители и, отталкиваясь непредставительными по сравнению с телом ножками от колонны, вернул себя на постамент.

– Фу, – перевёл он дух, – зачем же так кричать, ты не на восточном базаре, дорогой Аратрон. Я и так без особого удовольствия присутствую на этих смотринах, но что поделать, если этот парень и его дружок Чаплыгин Сергей Иванович, юноша 16-ти лет, проживающий по адресу Кутузовский проспект, дом 26, подъезд 11, квартира 696, оказались не в то время и не в том месте и застали наш сходняк врасплох. По Закону, все кто там был, а это ты, Хи-Хаак, я и милый Йехаб-ях – все мы должны теперь быть рядом с этими шалопаями некоторое время, вне зависимости от того, вызывают они нас или нет. Другое дело – наши функции. И тут я вижу конфликт интересов. Если желания нашего с Йехаб-ях подопечного не будут совпадать с воззрениями вашего подопечного, нам придётся договариваться или...

– Что – или? – встрепенулся Аратрон и лицо его начало быстро сужаться, снова превращаясь в лезвие топора. – Война?

Возникла жуткая пауза. Илья почувствовал резкий запах озона. Тело снова стало обретать тяжесть. Он дёрнулся и пошевелил глазами, пытаясь сориентироваться в пространстве

перед неизбежным падением.

Хи-хаак понял его движение по-своему и услужливо позволил глазам Ильи сделать панорамный снимок зала заседания, крутанув его ещё на 360 градусов. Илья увидел четвёртого собеседника.

Под его взглядом похожий на девушку Йехаб-ях потупил глаза и одёрнул короткую тунику. Его розовые щёчки зарделись от смущения.

Фуль превратился в огромный пузырь, глаза его приобрели бордовый оттенок. Чтобы не сползти с капители ему пришлось растопыриться и опереться руками в потолок.

Хи-хаак немедленно подплыл к Аратрону и, от греха подалее, перекрыл поле зрения шефа, лишив его возможности изрубить на куски противника.

– Ваше высочество, вы можете не волноваться. Уверен, мы, ангелы, всегда сможем договориться. Вам не кажется, что ситуация напоминает инцидент с островом Доманский.

– Да? – лезвие топора вновь трансформировалось в гневный фас. – А что там?

– Китайцы, ваше превосходительство. На днях они захватили русский остров. Русские сказали: «Ах так!» – и стёрли остров с лица земли. У всех тут же пропала охота воевать, так как предмет спора скрылся в водах Амура.

– Так ты предлагаешь покончить с этим сосунком, – голова Аратрона вновь сверкнула обоюдоострой секирой.

– Это было бы идеально, – побулькал толстыми губами

Фуль и выпустил из живота оснащённое присосками щупальце в сторону Ильи.

Хи-хаак быстро переместил Илью поближе к своей колонне.

– Шеф, – обратился он к Аратрону, – вы же понимаете, что мы нарушаем Закон? Мальчик должен оставаться невредимым.

Илья вдруг ощутил, что падает.

– Я не хочу умирать! – крикнул он.

За окном светало. Бабка Матрёна, дежурившая у кровати внука, вздрогнула, когда он вдруг открыл глаза, резко сел на кровати и с криком упал навзничь обратно на подушки.

– Дед, – закричала она, – очнулся!

Едва не столкнувшись с возникшим в дверях дедом, она ринулась на кухню, налила в стакан крепкого чая и разбавила его молоком. Вернувшись, увидела как дед гладит Илью по голове. Матрёна приподняла голову внука и поднесла к его губам стакан. Илья сделал несколько глотков.

– Спасибо, ба.

– Что ты, что ты, – запричитала старуха. —Я сейчас картошечки сварю. Поешь.

Илья безвольно откинулся на подушку и закрыл глаза.

Матрёна повернулась к деду.

– Крестить его надо.

Дед обомлел.

– Ты что, старая, ума лишилась? – зашипел он в момент посиневшими губами. – Это зачем?

Он даже замотал лысой головой.

– Товарищ Сталин...

– А затем. Я пока тут сидела, Илька бредил. Сначала ругался нехорошими словами, – Господи, чему их там в школе учат! Всё какого-то милиционера поминал. Потом вдруг надулся весь, заговорил странным голосом, будто он Аратрон какой-то. Я поняла, что их там четверо было.

– Кого? Где?

– Бесов, Паша. Аратрон среди них главный. Потом, этот, как его, – Хи-хаак, спаси и сохрани, и ещё Фуль и дружок его или подружка, Ях.

– Что в бреду не скажешь.

– Но он их видел, старый. Глазищи под веками так и бегали. Зубами скрипел. Вот так же наш Данилка – юродивый делал. Помнишь?

– Данилку помню. Только это когда было-то, и его в психушку определили.

– Вам, коммунякам, всех бы в психушку. А что товарищ Хрущёв сказал: среди тех, кого посадили, сколько хороших и здоровых было?

– Нет, Мотя, я не согласен. Он же комсомолец.

– А откуда ты знаешь? Три года внука не видал.

– Так они все там комсомольцы, – смутился дед. – И потом, товарищ Сталин...

– Дед, не начинай. Причём тут Сталин. Времена нынче другие.

– Так как же его крестить-то! Он же ослаб совсем.

– А я ему сейчас картошечки дам... и молочка.

Илья сквозь болезненную дрёму слушал разговор двух стариков. Чего удумали – крестить. А что он ребятам скажет. Засмеют. А мать точно с работы выгонят. Куда ж ему после такого – в монастырь? Он заставил себя сделать глоток чая и откусил пол-картофелины.

– Жуй, Илечка, жуй,—приговаривала бабка.

Илья сделал ещё один глоток только из уважения к бабе Моте. В голове прояснилось.

Сквозь прищуренные веки осторожно взглянул вверх, ожидая увидеть необыкновенную четвёрку, но кроме паутины в углу и толстобрюхого паука там никого не было. Нет, креститься ему никак нельзя.

Илья нарочно выпустил из рта слюну с картофельной кашницей, закашлялся и, имитируя приступ бреда, застонал и беззвучно зашевелил губами. Таким его в церковь точно не понесут.

– Ах ты, Господи, – вскрикнула Матрёна и утёрла внуку рот полотенцем.

– Я тебе сколько раз говорил, – вскинулся дед, – не поминай при мне... его. Бога нет, и ты это должна знать.

– Вот те на, – всплеснула руками Матрёна, – а куда же он делся-то. Бесы есть, а Бога нет?

– И с чего ты взяла, что этот Аратрон и его друзья – бесы. Может они школьные товарищи, сейчас волнуются за него. Вот и передалось...

– Ага, передалось, – съязвила старуха, – по проводам. И с такими именами. Мы, чай, в России живём, а не в Африке какой. Нет, Паша, таким голосом только бесы разговаривают. Да, чуть не забыла. Ты на почту-то сходи, позвони Виктору и Наде. Небось волнуются родители.

– А что я им скажу? Что чуть их сына не застрелил?

– А ты ничего не говори. Будто Илья в Москве нашего соседа встретил, вспомнил о деде с бабкой, ну и решил навестить. А что не предупредил – так это дело молодое. Вот взял и поехал. У него же каникулы.

– Точно – каникулы, – медленно повторил дед, как всегда с трудом поспевавший за искромётными мыслями своей супружницы. – Но...

– Ну тогда так: Борька, сосед, сказал, что ты помираешь.

– Типун тебе на язык.

– Вот так и скажи. Ради такого дела и помереть не грех, Паша.

– Да как же я скажу, что помираю, когда я уже помираю?

– Скажешь, мол, ошибся сосед или подлость учинил. Борис-то, он на всё способен и Витя, сынок, это знает. И знает за что он нас ненавидит. Помнишь как Витя их корове из ружья рог отстрелил, когда мальчишкой здесь бегал.

– Ладно, придумаю что-нибудь. Ну, я тогда пошёл. Толь-

ко знаешь, Мотя, всё равно они приедут и всё раскроется. И доктор этот мне не понравился. Ведь огнестрел! Он доложить должен.

– Заодно и к доктору зайди. Город-то рядом. Пусть не спешит. Родители приедут, вот тогда и решать будем.

Дед вышел на крыльцо, с опаской огляделся – а ну Борька сосед где-то рядом ошивается, для верности обошёл дом. У реки стояла чёрная машина. Какой-то парень, стоял по колено в воде с удочкой. Дед сплюнул и затрусил по дороге.

– Надо выручать парня, – сказал чернявый молодой человек, снимая уклею с крючка. – Того и гляди, попрут его из школы. Сержант уже кляuzu послал по инстанции. Дед доктора не уговорит, у него таких денег нет. А теперь ещё бабка. Тоже мне экзорцистка нашлась.

Хи-хаак, на данный момент в миру Холин Иван Виленович, сбросил на берег добычу, где уже лежало около десятка мелких рыбёшек. В одних трусах он забрался по колено в воды реки Исьма, оказавшись практически посередине неширокого русла. Рельефные мышцы мастера спорта международного класса по боксу выглядели как-то невзрачно на розово-белом теле горожанина. Только красноватый ободок загара у основания шеи говорил о том, что Иван Виленович иногда появляется на открытом воздухе.

С тех пор, как фамилия Холин появилась на афишах все-

го мира, где он держит тяжёлый пояс чемпиона мира в среднем весе среди профессионалов, Иван практически не видел белого света: припаркованный на поляне чёрный мерседес, купленный у сотрудника американского посольства за сорок тысяч рублей, сократил его пребывание под солнцем до минимума. И эта вынужденная поездка в деревню Крестьянка теперь использовалась чемпионом по полной программе.

Он до паха закатал семейные трусы, превратив их в плашки, собрал шапку чёрных курчавых волос в один тугой жгут и зафиксировал на макушке бинтом из аптечки.

– Артур Вадимович, – обратился он к сидевшему под деревом человеку, – нацепи червячка, пожалуйста.

Человек ухватился за леску, свисавшую с протянутой к нему удочки, и чуть ли не к носу поднёс крючок.

– Так тут же есть ещё половина.

– Ну не ленись, Аратрон... Пардон, монсеньёр! – осёкся Иван Виленович, уловив молнию в чёрных глазах напарника. – Артур Вадимович, будьте так любезны. Она на жёваного не берёт.

– Так-то оно лучше, товарищ Холин, – сказал человек, – не забываетесь. О вашем поведении в командировке будет доложено, так и знайте. Что это вы в таком непотребном виде на виду у клиентов? Впрочем, конспирация требует жертв.

Он вздохнул, ткнул в землю двумя перстами. Между точками касания последовал короткий, но мощный разряд то-

ка. Через секунду на поверхность выползло более десятка оглушённых дождевых червей. Артур Вадимович взял самого жирного и неловко стал насаживать на крючок, который продолжал держать, едва не касаясь им кончика длинного острого носа.

– Это просто проклятие какое-то, – пробормотал он.

– Что, снова задний, – посочувствовал напарник.

Каждый раз при трансформации Аратрону не удавалось предугадать, какой лик воплотится – задний или передний. На этот раз снова неудача – задний. Значит – дальнорюкость.

– Давайте оставим эту тему, Иван Виленович. Двуликость имеет свои преимущества и недостатки, вам это хорошо известно, и ваше сочувствие больше похоже на издевательство. Держите своего червя. А вот на счёт помощи нашему подопечному... Вы что имели в виду?

– Улики, монсеньор. Их надо уничтожить. Нет улик – нет дела, как говорит мой знакомый следак. На наше счастье этот эскулап, к которому рванул дед, не зашил рану на руке, а наложил только повязку. А царапины на груди незначительные. Прикажете приступить?

Илья почувствовал какое-то щекотание на предплечье больной руки. Скосил глаза и замер. По руке полз тот самый паук. В отвращении он дёрнул рукой и тут же застонал от

боли.

– Не двигайся, – прошелестел знакомый голос Хи-хаака, – потерпи, дружок.

Илья замер. Паук снова забрался на руку. Прежде чем продолжить начатое, он, как показалось мальчику, строго посмотрел на него и погрозил передней волосатой лапкой. После чего ловко приподнял бинт и исчез под перевязкой...

Матрёна заглянула в спальню. Илья лежал бледный и неподвижный. Только пальцы забинтованной руки нервно подёргивались. Это хорошо, значит сухожилия работают и внук сможет писать правой рукой.

Открылась входная дверь. Гремя сапогами вошёл дед. Матрёна шуганула его на кухню.

– Ты чего грохочешь, как паровоз, – зашипела она, – большого разбудишь!

Дед уселся за стол, схватил из ведра немывтый огурец и начал сосредоточено жевать.

– Ну как? – спросила она.

– Надя сегодня работает. Виктор тоже не сможет. У него на работе аврал. Приедут на выходные.

– Значит через два дня.

– Ну да. И как Надя?

– Разволновалась, конечно, и обрадовалась. Уже все больницы и морги обзвонила. А с милицией я не понял. Ей повестка пришла, кажется, по поводу Ильи. Кудахчет как курица: уволят, уволят! И что же ещё наш внучек там натворил.

Мы ведь так и не узнали, какого лешего он здесь объявился.

– Выздоровеет, расскажет. А ты будто не рад, что к тебе родной внук приехал.

– Не говори ерунды, старая, – возмутился дед. – Сколько лет не показывался – всё в лагерях, да в походах, а тут на тебе: «Здрасьте, я ваша тётя из Киева и буду у вас жить». Нам бы сразу догадаться – что-то случилось. И доктора не надо было вызывать, а сразу в Москву...

– Скажешь тоже. Он бы кровью весь и вышел.

– И то верно.

– Ну, а с доктором что?

– Плохо. Он, гад, пятьдесят рублей запросил. А я откуда возьму. Теперь, бабка, тюрьма мне светит, за непредумышленное.

– Батюшки! – всплеснула руками Матрёна и без сил опустилась на табурет.

За окном послышался пронзительный скрип тормозов. Дед отодвинул занавеску.

– Всё, приехали. Готовь, бабка, сухари и свежие портянки.

В дверь громко постучали. На пороге стоял красномордый и пузатый младший лейтенант милиции. Из-за спины выглядывал сосед Борис и его жена Евдокия.

– Где раненый, показывайте, – с порога заявил милиционер и двинул на бабку своё чрево.

Дед понуро посмотрел в быстрые вороватые глаза вошед-

шего, не сказал ни слова, только мотнул головой, приглашая в спальню.

Илья услышал шум подъехавшей машины и насторожился. Так скрипят тормозами только «Уазики», а на них ездят милиционеры, как-то сразу решил он. Быстро нашли. Наверное родители всех там переполошили. Вспомнил про ранение, и в голову пришла мысль, что это он подставил деда и приехали вовсе не за ним, а за стариком.

Окно в комнате было открыто. Илья резко спрыгнул в кровати. Поискал глазами одежду, не нашёл. Заглянул под кровать в поисках ботинок. И тут только обнаружил, что рука совсем не болит. От удивления он даже вскрикнул.

– Ага, сбежать, значит, надумал! – услышал он знакомый голос. Обернулся – перед ним, ухватисто растопырив руки, как тогда в хибаре на запретке, стоял Сиротин.

– Да куда ему бежать-то, – из под руки Сиротина вынырнула Матрёна и бросилась к Илье, – он же ране...

Матрёна осеклась и в испуге зажала рот рукой.

– Раненый, говорите, – счастливо усмехнулся Сиротин, — понятно. Понятые, попрошу.

Борис с Евдохой с готовностью выдвинулись вперёд.

Сиротин, как и тогда, в деендешной допросной, занял позицию спиной к окну, от чего в комнате сразу наступили сумерки.

– Дед, – позвал он, – а ты что там стоишь. Заходи, рассказывай.

Дед боком просочился в комнату, встал рядом с Матрёной и Ильёй.

– А чего рассказывать, – начал он. – Он в дверь..., а я спросонья...

Илья из-за спины Матрёны хмуро наблюдал за происходящим. На удивление он ощущал полное спокойствие и уверенность. Наверное, решил он, ещё сказывалось действие успокоительного, которое по совету доктора давала ему бабка. Только где-то внутри закипала злоба к этому гадкому, толстому милиционеру, из-за которого он здесь оказался. На всякий случай шевельнул пальцами правой руки, потом незаметно согнул её в локте. Боли не было. Лицо его прояснилось.

– А что, собственно, происходит? – сказал Илья и храбро выдвинулся вперёд. – Здравствуйте, Михаил Иванович, давно не виделись.

Дед с удивлением уставился на внука. Сиротин сразу признал Илью и его огромная тёмная масса мгновенно как-то сдулась, давая проход свету со двора. Он опустил зад на подоконник, снял фуражку и вытер платком шею.

– Да, а в чём, собственно, дело, товарищ милиционер? – спросила Евдоха. – Зачем позвали-то? У меня скотина не кормлена и Боре в сельпо надо... за хлебом. Чего стоим-то?

– Евдокия! – осадил жену Боря. – Не мешай властям работать. Позвали, значит, надо. Я же тебе говорил, что ночью стреляли.

– А кто стрелял? – спросил Сиротин, быстро приходя в себя от неожиданного явления Ильи. К тому же парень вообще не был похож на тяжело раненного, о чём говорилось в докладной доктора. – Ты?

Сиротин ткнул пальцем деду в грудь. Дед не обратил никакого внимания на его вменяющий вину перст и в растерянности продолжал смотреть на Илью.

– Так и будем молчать? – повысил голос Сиротин.

– А кому ж стрелять, как не ему, – встрял Борис. – Оне все тут стреляют.

– Так, так, – с нарочитой заинтересованностью повернулся к нему Сиротин.

– Ну да, – сказала Евдокия, чтобы поддержать замаявшегося мужа. – Сын его, Витька, моей корове рог отстрелил.

– Так это когда было! – возмутился дед. – И не знал он, что ружьё заряжено. Они, мальчишки, тогда в войнушку играли.

Последние слова были обращены к Сиротину.

Было загоревшийся в глазах у милиционера по случаю вновь открывшихся обстоятельств интерес быстро сошёл на нет.

Внимательно наблюдавшему за ним Илье неожиданно стало смешно.

– Дед, так это правда? А я думал, батя шутит.

– Правда, правда, внучек, – сказал дед и улыбнулся. Он как будто очнулся от тяжёлых мыслей. Но тут же снова по-мрачнел. – Но дело, я так понимаю, не в этом, товарищ младший лейтенант?

– А если не в этом, – упредил признание деда Илья, – то стрелял я.

Матрёна охнула и опустилась на кровать. Дед бросился к ней. Остальные уставились на Илью.

– Я приехал ночью, – начал на ходу сочинять Илья. – Стучу, значит. Никто не открывает. Тут Полкан хватает меня за ногу. Вот, ещё следы остались.

Илья выставил на всеобщее обозрение укушенную лодыжку и осёкся, – она блестела как новенькая. Илья решил, что перепутал и выставил вторую ногу. Но и там чисто.

– Так... – шевельнул задом Сиротин.

– Значит мне показалось, что он меня укусил. Только прихватил. Темно же было, – выдвинул новую версию Илья. – Я бросился в сарай. Решил, там переночую. Наткнулся на ружьё. Холодно! Ну... и решил разбудить.

– Из ружья... значит.

– Ну, я же говорил, – подал голос Борис, – они все тут чокнутые.

– Молчать! – вдруг рявкнул Сиротин.

Он вспомнил, как Илья загнул ему про Ульянова Ленина, и начинал понимать, что парень снова его «разводит», только теперь чтобы спасти деда.

– И что же дальше?

– Дед проснулся, открыл дверь. Я зашёл. И... И всё.

Дальше Илье ничего не приходило в голову. Он понял, что проиграл и понуро уселся рядом с бабкой.

– Нет не всё, – победно задышал Сиротин.

Поднялся, надел фуражку, прошёлся по комнате.

– Дед, где ружьё? Показывай.

Дед встал и поплёлся в сени.

– Товарищи понятые, – обратился Сиротин к Борису и Евдокии, – прошу пройти за мной. Подозреваемые и вруны тоже.

– Вот оно, – указал дед на двустволку, висевшую рядом с дверью.

– Обратите внимание, – важно заявил Сиротин, – огнестрельное оружие висит на крюке, а не находится в железном ящике с замком, как положено по закону. Ну, это потом. Почему ружьё оказалось в сарае?

Дед посмотрел на Илью. «Уж если ты начал врать, то помоги и теперь» – говорил его взгляд. Но Илья окончательно смутился и только пожал плечами.

Наблюдавшая за ними Матрёна ткнула деда в бок.

– Так ты же, старый, вчера сам сказал, – осторожно начала она, скосив глаза на Илью, – что решил пойти на охоту и надо, мол, почистить ружьё. А где его чистить, не в доме же.

– Ну да, – обрадовался дед. – Сказал... и почистил.

– Успели сговориться, соучастнички, – процедил Сиро-

тин. – А вот это ты как объяснишь?

Он поскрёб пальцем дверь и отколол щепу от насквозь пробитой картечью двери.

– Так это... – дед задумчиво уставился на дыру. – Так ведь два выстрела было.

Он посмотрел на Бориса.

– Точно, – сказал ничего не понимающий сосед, – сначала один, потом, немного погодя, второй.

– Второй... Это уже я.

– А ты-то зачем стрелял? – включилась в игру Матрёна, надеясь, что дед начнёт быстрее соображать.

Сиротин ещё раз внимательно оглядел пробоину.

– Интересно, – сказал он, – а стреляли-то изнутри.

Сделал несколько шагов от двери.

– Примерно вот с этого места.

Такое неожиданно профессиональное поведение Сиротина окончательно сбило деда с толку, на тот момент исчерпавшего все запасы собственного вранья. Нужно передохнуть и собраться с силами.

Дед вышел на крыльцо, как-будто пытался восстановить в памяти события прошедшей ночи.

На улице было тепло. Полкан, лежавший на солнцепёке, при появлении людей вскочил и рыча сдал задом в будку. Дед вздохнул полной грудью свежий воздух. Он никак не мог найти правдоподобного объяснения этой чёртовой ды-

ре. Внезапно его взгляд остановился на молодом человеке с необычным хвостом чёрных волос на макушке, который стоял облокотившись на штaketник возле калитки. Их глаза встретились и деда внезапно осенило.

– Так вот же он, – закричал дед.

– Кто? – выдохнули все, а Сиротин от неожиданности схватился за кобуру.

– Вот этот, – дрожащий палец деда уставился на чернявого, – его я увидел за спиной Ильи, когда открыл дверь. Я тогда подумал, что за мальчиком гонятся – тут недавно маньяк объявился – и сразу решил, что это тот самый. Думаю – внучек отстреливается!

Дед подошёл к внуку и погладил его по голове.

– А он говорит, что стрелял в воздух, – сказал Сиротин, в упор уставившись на Илью. – Так, уходим в несознанку, значит. Ладно.

– Э... Товарищ, вы не могли бы подойти, – обратился он к молодому человеку и победно взглянул на деда.

«Бедный мальчик!» – дед, прижал голову внука к груди и для надёжности лояльно, для закона, пустил слезу, понимая, что они проиграли. К тому же ему стало ужасно стыдно, что он втянул в дело совершенно незнакомого случайного прохожего.

Парень открыл калитку и вразвалочку подошёл к милиционеру. Опытный взгляд Сиротина не обнаружил в глазах

незнакомца ни тени страха или хотя бы уважения. Более того, милиционер узнал в нём героя страны Ивана Холина, – чемпиона по боксу, недавно победившего нокаутом гигантского американского негра.

– Товарищ Холин? – поперхнулся Сиротин. – А вы как здесь?

Кроме бабки Матрёны, которая всех спортсменов называла «гузнотрясами», все мгновенно обступили боксёра. Борис нашёл где-то бумажку и попросил автограф. Зинаида не удержалась и пощупала его мощный бицепс. Илья со странным чувством дежавю всматривался в лицо товарища Холина до тех пор, пока тот движением бровей не дал ему понять, что тот поступает, по крайней мере, неприлично.

– Так в чём дело, товарищ милиционер? – спросил молодой человек.

Дед невольно отступил подальше в сторону, ожидая унижительного разоблачения.

– Тут, товарищ Холин... – начал Сиротин.

– ...Иван Виленович, – помог ему Холин.

– Тут расследуется уголовное дело о попытке непредумышленного... — Сиротин сделал паузу, отыскал глазами Матвея, вдруг важно надулся и продолжил, – а может быть умышленного убийства внука родным дедом.

– Ужас какой, – вскрикнула Зинаида и подальше отодвинулась от Матрёны.

– Что вы говорите, – сделал серьёзное лицо Холин. – То-

гда, может быть будет лучше пройти в дом. Дело-то архиэкстраординарное.

Не дожидаясь приглашения, он вошёл в избу. За ним потянулись остальные. Холин быстро нашёл кухню и сел за стол. Сиротин расположился напротив. Дед, Матрёна и Илья застыли в дверях. Сзади напирала понятыя.

Сиротин достал из планшета докладную доктора и протянул Холину. Тот быстро просмотрел бумагу и вопросительно уставился на Сиротина. Его чёрные глаза лучились спокойствием и доброжелательностью, но Сиротину вдруг показалось, что губы товарища Холина на мгновение изогнулись в презрительной усмешке.

Сиротину это страшно не понравилось.

Сиротин

С некоторых пор Сиротин возненавидел столичных молодых людей подобных Холину, уверенных в себе, вызывающе спокойных в присутствии представителя органов. Он даже мог назвать точную дату зарождения этого чувства – февраль 1956 года.

Тогда им, молодым служителям социалистической законности, только что покинувшим стены московской школы МВД, зачитали секретный доклад Хрущёва.

Это была катастрофа.

На следующий день Сиротин не вышел на работу. Заперся у себя в комнате в общежитии и устроил вторые похороны

товарища Сталина.

В первый раз, одиннадцатилетним мальчиком, он стоял в скорбном молчании на центральной площади города Боровска перед памятником великому вождю и рыдал, уткнувшись лицом в колючую чёрную шинель отца.

И вот сейчас, через три года, на дно опустевшего второго стакана водки, с кончика размякшего от хмельной влаги носа упали одна за другой три мутных жертвенных капли.

Три дня Сиротин пил, пуская к себе только вахтёршу, тётю Глашу, которая приносила ему водки и хлеба. Она же во второй визит поставила у двери ведро, заметив, что молодой сержант не выходит в туалет. Сиротин намёк понял, перестал мочиться из окна и устроил из ведра парашу.

На четвёртый день, весь помятый и сырой он появился на боевом посту в районном отделении железнодорожной милиции. И товарищи его не осудили. Только новый начальник отделения майор Борщов, вынужденный от внезапного появления сержанта прервать разводку, недовольно заметил:

– Зашёл Иван Приблудный, запутавшись в соплях.

Сиротин с ненавистью взглянул на начальника, но сдержался. Сигнал с места рядового Лобанова и тяжело уселся на жалобно вскрикнувший под его грузным телом стул.

Уже в первые дни своего дежурства, вглядываясь в лица пассажиров в вагонах пригородных электричек, Сиротин осознал, что всё изменилось коренным образом. Его время и

время его отца – бывшего начальника РУВД города Боровска – ушло безвозвратно.

В вагонах стало многолюднее, шумнее и, что самое удивительное, – веселее. Несколько раз Сиротин даже услышал имя великого вождя в качестве персонажа анекдота. Безбилетники – а их стало в разы больше – теперь не бледнели перед блюстителем порядка, а начинали безбожно врать и отказывались платить штраф, смиряясь только в отделении после подписания протокола. При встрече в узком проходе между лавками молодые люди, подобные Холину, останавливались, закрывая проход представителю закона и, нагло глядя в глаза, заставляли отступить с прохода. Вместо игры в карты или распивания спиртного пассажиры теперь больше читали газеты или книги подозрительного вида и содержания.

С лёгкой руки какого-то Эренбурга это страшное время стали называть «оттепелью», которая с каждым годом становилась всё больше похожа на буржуазно-либеральный шаш. Новый генсек не только не пресёк всё это в корне, но наоборот, дошёл до того, что евреям разрешили выезжать в Израиль со всеми нашими советскими секретами и награбленным добром.

Это было невыносимо, но Сиротин, помня наставления отца, терпел и служил честно, но не этим, гонящимся за иностранными шмотками и посещающим подозрительные выставки типчикам, а Родине. Он знал, что таких как он –

честных остались единицы.

Ребята из его взвода: Лобанов Коля, Саша Попов, хол-западенец Зозуля Николай, верзила под два метра ростом, давно перешли грань, поддались расцветавшей в обществе жажде наживы. Пару раз он видел, как они чистят карманы у припозднившихся и пьяных пассажиров. Из корпоративной солидарности тогда он никому ничего не сказал.

В один из вечеров, как раз под Новый год, начальнику отделения позвонили из ДЕПО на станции Нара. Обнаружен сильно пьяный пассажир, который никак не хочет покидать вагон. Майор Борщов направил туда Лобанова, Попова и Сиротина за старшего.

Причём как направил! Зашёл в «красную комнату» в тот момент, когда они, в преддверие праздника уже приняли по «второй» и Зозуля нарезал сало под «третью», и их троих чуть ли не пинками выгнал в холодную тьму, Зозулю оставил на дежурстве, а сам попрощался до второго января.

Так что к депо бригада подъехала уже заведённой.

Гражданин лет сорока, прилично одетый в драповое пальто и бобровую шапку, спал, лёжа на лавке, подложив под голову портфель. Лобанов по привычке потащил портфель на себя, но гражданин неожиданно очнулся и цепко схватил его за руку. Лобанов оскорбился и ударил гражданина по голове кулаком. Тот закричал, но тут же получил удар ногой в живот от Попова. Сиротин оттолкнул напарников и нагнулся,

чтобы помочь гражданину сесть. Но тот, ничего не соображая от боли и страха вцепился ему в горло и начал душить. Самое ужасное, что он назвал Сиротина оборотнем в погонах и пообещал сгноить в подвалах Лубянки.

Сердце отличника боевой и политической подготовки не выдержало и он тоже ударил гражданина по голове, после чего тот затих. Сиротин испугался, но немного. Приказал Лобанову и Попову тащить тело с портфелем в машину.

Всю дорогу молчали и курили.

В «красном уголке» на столе спал Зозуля. Товарищи обнаружили, что он выпил последнюю бутылку и съел почти всё сало. Привезённого гражданина, который к той поре так и не пришёл в себя, положили на сцену. Зозулю пожалели, сняли со стола и положили рядом.

Только сейчас Лобанов вспомнил про портфель, оставленный в машине. Взломав отвёрткой замок, они были приятно удивлены: палка копчёной колбасы, две банки горбуши, банка болгарских помидоров, на самом дне – бутылка водки и коньяк «Наполеон».

Только накрыли на стол, как гражданин очнулся. Обнаружив себя в незнакомой обстановке – на сцене и под портретом Ленина, рядом с тяжело навалившимся на него храпящим гигантом в милицейской фуражке – он истошно завопил и неловко задел Зозулю локтем по носу, освобождаясь от объятий. Зозуля тут же очнулся и, обливаясь хлынувшей из носа кровью, схватил обидчика за горло и несколько раз

ударил головой о помост. Товарищи подскочили к дерущимся, но было уже поздно.

Сиротин, с отличием окончивший школу милиции, констатировал смерть от перелома основания черепа. Все мгновенно протрезвели. Только сейчас кто-то из них догадался заглянуть в потайное отделение портфеля и обнаружил удостоверение майора КГБ, членский билет дачного кооператива «Пехорка» и железнодорожный билет Малоярославец-Москва.

Лобанов и Попов набросились на Зозулю, обвиняя его в убийстве, но хитрый хохол тут же объявил, что судя по гигантской гематоме на голове трупа, он был не первый, кто поработал над майором. Завязалась драка. Сиротин с трудом прекратил побоище и предложил всем вместе решить проблему. Но чтобы кто не предлагал, всё сводилось к одному: заявление поступило из Депо, их приезд был зафиксирован, так что все они под подозрением.

– В любом случае, Борщёв догадается, – заключил Сиротин.

Неожиданно лицо Лобанова просветлело.

– Точно. Майор! Вот кто нам сейчас нужен, – воскликнул он и бросился к телефону.

Сиротин не расслышал, что сказал в трубку Лобанов, но понял по довольному выражению его лица, что появилась какая-то надежда.

В ожидании спасителя уселись за стол.

Сиротин не пил, а подельники совсем расслабились. Из их возбуждённого пьяного разговора он неожиданно для себя выяснил, что те случаи грабежа, свидетелем которых он несколько раз стал, были действительно только шалостью, хулиганством.

На самом деле такого рода операции проводились сидевшей перед ним тройцей регулярно и по наводке самого Борщова. Начальник точно знал в каком поезде и в каком вагоне следует искать жертву.

Когда милиционеры появлялись в вагоне, жертва обычно уже была доведена кем-то до кондиции – сильно пьяной или одурманенной каким-то наркотиком. Таких выгружали на ближайшей станции, вывозили в лес, «чистили» и оставляли там же. Если жертва ещё могла соображать и сопротивлялась, её выводили из вагона под предлогом отсутствия билета или проверки паспорта, затем – в «автозак». Ещё в машине Зозуля зажимал жертву в мощных объятиях и товарищи вливали ей в рот водку, сколько войдёт.

– Ты, поди, и не знал, – с пьяной усмешкой сказал Лобанов Сиротину. – Тебе и не положено. Ты у нас, как майор говорит, пария – злой на нынешнюю власть, но идейный. Он от тебя давно хотел избавиться, но видишь как получилось. Теперь ты наш. Мы тебе всё и говорим. В следующий раз вместе пойдём. Дело прибыльное. Каждый раз у этих, – он кивнул в сторону неподвижного тела, – денег – море.

– И все незаконные, – вклинился в исповедь Лобанова По-

пов, самый молодой из их компании.

– Точно, Сашка, – хлопнул его по плечу Лобанов. – Мы же, Миша..., пардон, товарищ сержант, не грабим, а экспроприируем награбленное. По документам все эти граждане и гражданки обычно нигде в госучреждениях не числятся: либо кооператоры, либо цеховики, либо просто безработные. Часто они даже не обращаются в милицию, скрывают доходы, а если кто и придёт, то как пьяному можно верить. Да и майор молодец. А вот кстати и он.

Вошёл Борщёв, в штатском. Зло поглядел на компанию, осмотрел труп. Лобанов протянул ему удостоверение чекиста. Майор выругался и завёл его, Зозулю и Попова к себе. Сиротин ждал. Через полчаса дверь открылась.

– Сиротин, – Борщов, – заходи. Значит так, сержант, сейчас полвторого. Грузите тело в «уазик» и заройте где-нибудь подальше. Ну, чего стоите!

– У меня есть другое предложение, – спокойно сказал Сиротин. – В школе милиции я как-то прочитал одно дело. Очень похоже на наш случай. Там преступник тоже случайно, в первый раз убил человека и решил труп закопать. Тело убитого пропало. Это возбудило общественность, его коллег по работе, органы начали рыть и, конечно, нарыли.

– Это ты к чему, сержант? – спросил Борщов. – Отказываешься?

Сиротин заметил, как Зозуля сместился ему за спину и заслонил дверь. Лобанов тоже напрягся, готовый прыгнуть

на предателя.

– А вот если бы не зарыл, – спокойно продолжил Сиротин, – то скорее всего избежал бы наказания. Тело есть, хоть и мёртвое. Да, никаких надежд на выздоровление, но и никаких иллюзий, порождающих слухи. Родственники и коллеги быстро похоронят покойного, поделят наследство и успокоятся. А органы, если нет явных улик, найдут какого бомжа и закроют дело побыстрее.

– Ну, если ты такой умный, то тебе и карты в руки, – неожиданно согласился Борщов.

Через неделю Сиротин написал рапорт о переводе его в участковые. «По случаю» оказалось свободным место в Кутузовском районе Москвы. Теперь он сам стал пассажиром электричек и каждый день мотался из Боровска в Москву.

Чтобы не вызывать насмешек от изредка проходивших по вагонам сотрудников его бывшего отделения и избегать откровенных провокаций со стороны внезапно ставших «свободными» граждан, Сиротин проделывал путь на работу и обратно в штатским, каждый раз оставляя форму в отделении милиции.

Это испытание не смирило, а наоборот закалило боевой дух молодого борца за социалистическую законность. Он ближе изучил людей в естественной для них обстановке и окончательно убедился, что страна катится в пропасть.

Эти люди решили, что они больше не нуждаются в посто-

янной опеке со стороны государства, им нет никакой необходимости уважать и сотрудничать с органами, которые охраняют это государство... от них же самих.

Стройность замкнутой системы, в центре которой стоял Отец всех народов, разрушена. И что же теперь делать органам? Продолжать охранять, конечно, но теперь уже друг от друга. Это в сто крат сужает и круг задач, уничтожает страх и снижает ответственность перед высоким начальством. Отсутствие Вождя лишило многих из соратников Сиротина инициативы на местах. Да, очень часто инициатива эта приводила к нарушению закона, потому что закон был для всех, а воля Вождя – для каждого из тех, кто закон охранял, и воля эта была выше закона.

Сиротин помнил товарищей отца, вернувшихся из мест заключения, – у них не было обиды, наоборот вера их только окрепла. Отец имеет право наказывать своих чад, но он же и милует тех, кто по своему разумению исполняет его волю, защищает его от врагов, которые только прикрываются законом, и делает это самозабвенно. А сейчас кого защищать? Предателей? Нет, настало время, когда можно и нужно подумать не только о Родине, но и о себе.

От этих мыслей в голове Сиротина случился надлом, будто жилка, сосудик какой гулко лопнул. И когда он получил комнату в подвальном помещении студенческого общежития для иностранцев в районе Киевского рынка, то несколько не обиделся, даже не возмутился.

Новое устройство мира только начинало складываться в воспалённом мозгу сержанта в устойчивую, его, частную, идеологию.

Местом служения были дворы и прилегающие к ним территории на другой, чётной, стороне Кутузовского проспекта, от Дорогомилковского железнодорожного моста до только что построенной гостиницы «Украина». Но там всё было спокойно, потому как жили здесь люди в большинстве своём непростые.

Согласно неформальным установкам местного правоохранительного начальства весь охраняемый контингент распределялся между домами следующим образом. Тридцатый дом – заместители министров, начальники отделов ЦК, мидовские работники среднего звена, профессора и начальники кафедр, обслуживающий персонал. Двадцать шестой – генеральный секретарь, министры, ректоры, проректоры. Двадцать четвёртый – военные начальники, и руководители различных спецслужб. Дальше, чем ближе к Смоленке, ареал заселялся людьми, так или иначе связанными с международными делами и внешней торговлей. И охраняло жизнь и спокойствие этих людей достаточно много простых и «непростых» милиционеров и сотрудников.

Очень скоро самый широкий проспект столицы стал своеобразной межой между сформировавшимися внутри сержанта двумя Сиротиными. Чётный Сиротин исправно нёс

службу: мирил соседей, гонял шпану, ловил воров в магазинах и изредка захаживал на ночь к директорисе ЖЭКА «тридцатого». Нечётный быстро определил, кто из постояльцев общаг заправляет напряжённой внутренней жизнью квартала и, заявившись к нему в штатском, – иначе бы не добрался – сделал признание о своей принадлежности к органам и предложил сотрудничество: он информирует братву о планах своего начальства, её касающихся, а взамен получает долю от крышевания фарцы.

Торговались недолго, и очень скоро у Сиротина появился стабильный левый доход, и он из общаги переехал на другую сторону к директорисе.

Благодаря её информированности о тутошних, чётных, делах он обрёл видение глубинных процессов, происходящих в среде власть предержащих, и касались они, в основном, сферы жилищного вопроса.

Престижные и по тем меркам благоустроенные квартиры стоили дорого, а новые времена стали плодить тех, кто может их купить. Надо было только во-время подсуетиться, свести покупателя с продавцом, и, если нужно, внести небольшие коррективы в списки очередников, опять же за счёт одной из заинтересованных сторон. Кроме того, регулярные обходы квартир, что полагалось по инструкции и не вызывало у населения никаких вопросов, сделало Сиротина знатоком материального состояния их владельцев. Он стал авторитетным посредником в сделке, имеющим право на соответству-

ющую мзду.

Но работа на чётной стороне требовала чрезвычайной осторожности и приносила только разовый, хоть и весьма значительный доход. К тому же работать приходилось в паре с сожительницей, что повышало риски провала. Поэтому основной источник благополучия Сиротина оставался на нечётной стороне, где он был сам себе хозяин.

Всё шло хорошо. Плотные пачки наличных скапливались в шкафу отца на малой родине в Боровске. Отдыхал теперь Сиротин со своей товаркой исключительно в Сочи. Он уже подумывал купить себе «Москвич» и присматривал квартиру в новом, строящемся на пустыре за «двадцать четвёртым», жёлто-кирпичном доме...

Как-то в один из дней в его явочной полуподвальной комнатке в общежитии появился молодой человек в штатском, сунул под нос ещё пахнущую типографской краской корочку с гербом на обложке и заявил о «смене караула». Фарца и привокзальные таксисты, которых за особые заслуги подарил Сиротину пахан, обретали новую, куда более весомую, крышу.

Удар был столь неожиданным и весомым, что Сиротин растерялся и тут же решил напиться. Но ключи от своей явочной квартиры ему пришлось сразу отдать, а идти к сожительнице – себе дороже: начнутся ненужные расспросы, Софа обязательно впадёт в истерику, ведь она несколько раз

сама водила страдавшего от запоя Сиротина к врачу, а это стоит больших денег.

Именно из этих соображений Сиротин решил проверить свою излюбленную нору на запретке и был страшно взбешён, увидев, что место занято – и кем? Поэтому Сиротин и сорвался – там, в опорном пункте.

Кипя злобой и томимый усилившейся от совершённого насилия жадой, он в тот же день отправил своего молодого напарника разнести родителям этих щенков повестки с указанием срочно явиться в отделение милиции.

На следующий день, 03 июня 1967 года, в понедельник, явившись в отделение, он увидел в коридоре, рядом с кабинетом начальника, только одну посетительницу. Профессионально определил, что это скорее всего мать Ильи Шторца.

Может, ещё подойдут, подумал, но взглянув на бледное, но решительное лицо женщины с плотно сжатыми губами, пожалел, что и она пришла. Взглянул на часы: до времени явки, указанном в повестке, оставалось пять минут. Пути к отступлению были отрезаны, повестки не отзовёшь.

Женщина встала и молча протянула ему мятый листок. Сиротин, не останавливаясь, что-то буркнул в ответ, но повестку не принял. Чуть ли не бегом он бросился в конец коридора в патрульную комнату, уселся за стол и замер.

Через пять минут в комнату ворвался дежурный.

– Сиротин, к начальнику, быстро.

Женщина всё так же сидела у двери, но в руках у неё повестки уже не было...

Сиротин тяжело вздохнул и открыл дверь. Начальник встретил его тяжёлым взглядом из под сросшихся бровей. С портрета за его спиной, удивлённо подняв бровь, на сержанта скоился Феликс Эдмундович, с соседнего вопрошал о душевом здоровье гражданина Леонид Ильич с пририсованной чей-то неверной рукой очередной новенькой медалью «Героя» на груди.

На счастье Сиротина заговорил только один из этих трёх.

– Ты что себе позволяешь, – неожиданно тихим голосом начал начальник.

– По вашему приказанию...

– Молчать! Стоять! По приказанию... А по чьему приказу, позвольте вас спросить, ты вчера арестовал троих подростков, завёл в опорный пункт и учинил там над ними расправу?

– Товарищ капитан, – проямлил Сиротин, но с усилием взял себя в руки и продолжил, – эти пацаны на вверенном мне участке территории вчера учинили настоящий погром. Сначала они кран завалили. Вот. Потом на запретной зоне...

– А запретная зона – это разве твоя территория? Какого чёрта ты туда порёрся?

– Так я же преследовал...

– Кого? Злостных преступников? Мальчишек!

Последние слова капитан Терентьев произнёс особенно

громко, но как показалось Сиротину, обращался он не к нему, а к двери, за которой сидела одна из родительниц. Капитан вышел из-за стола, прошёл мимо Сиротина и так же громко продолжил разговор с дверью.

– Партия учит нас с особым вниманием относиться к подрастающему поколению, к будущим строителям коммунизма в отдельно взятой стране. Вы понимаете, товарищ сержант?

Терентьев вернулся в кресло, перевёл дух и снова, но уже не так строго посмотрел на Сиротина.

По большому счёту, до сих пор у него не было никаких претензий к сержанту. Как все остальные тот исправно нёс службу, не конфликтовал, не высказывал недовольства по поводу бытовой неустроенности. Да, в спорах защищал Сталина, но при новом генсеке это даже выходило ему в плюс. Запойный. Но и это хорошо – можно держать на привязи. А подарок, который он сделал ему на юбилей, – чёрного коня каслинского литья! И про жену не забыл – на позапрошлый новый год французский парфюм принёс. При его-то зарплате!? Это, конечно, вопрос интересный. Это он дал маху.

Тогда капитан повнимательнее решил присмотреться к своему сотруднику, но после одного звонка по закрытой связи, решил с этим повременить. И вот сегодня ночью – тот же голос, но уже по домашнему аппарату.

Терентьев сделал знак рукой. Сиротин, не спуская с него преданных глаз, подвинул ногой стул и осторожно, без обыч-

ного скрипа, опустил своё грузное тело.

На столе лежало два листа бумаги с написанным разными чернилами текстом от руки и с подколотыми к ним повестками. Рядом одиноко изогнувшись журавликом лежала ещё одна помятая бумажка, очевидно, принадлежавшей сидящей в коридоре гражданки.

Сиротин настороженно и вопросительно посмотрел в глаза капитану. И ему тоже на память пришёл каслинский конь, парфюм и счастливая дочка капитана, выносящая коробки с югославскими сапогами для себя и мамыши со служебного входа универсального магазина, доступ к которому вне очереди устроил Сиротин.

Может всё обойдётся, отважился он задать немой вопрос.

– Не обойдётся, – ответил капитан, угадав его мысли, – вот, читай.

Это было заявление от гражданки Мещериной, жены профессора Плехановского института, по поводу незаконного задержания её сына. Второе подписано начальником главка Госплана Ляпустиным. К нему прилагалась справка из Первой поликлиники об обнаруженных на теле сына свежих следах побоев, которых до момента его задержания, родителями и парой свидетелей не наблюдалось.

– Тебе ещё повезло, что третий – Илья Шторц по устному заявлению той гражданки, – капитан кивнул в сторону двери, – домой не пошёл, а почему-то решил удрать к деду с бабкой. А то, была бы и вторая справка. Я прав?

Сиротин сокрушённо кивнул головой.

– Ну, если ты такой понятливый, – тяжело вздохнул капитан, – вот тебе бланк, пиши.

Сиротин взял перо и начал писать:

«Начальнику милиции, имярек, от сержанта, имярек, заявление: прошу уволить меня по соб...»

– Стоп, – схватил его за руку капитан. – Ты что делаешь? Я разве тебе это говорил писать?

– Но я... – удивился Сиротин.

Начальник достал новый бланк.

– Пиши. Прошу перевести меня на должность... Нет погоди. Гражданка Шторц, зайдите, пожалуйста, – крикнул он через дверь.

Женщина вошла. Она судорожно сжимала перед собой обеими руками сумку. Лицо её уже не было таким бледным, но глаза, смотрели испуганно и в то же время с вызовом.

– Товарищ Шторц, – важно произнёс капитан и встал, Смирнов тоже мгновенно поднялся. – Мы рассмотрели все обстоятельства дела, и от имени советской милиции я приношу свои извинения за причинённые вашей семье нравственные страдания. Эта повестка доставлена ошибочно. Виновные будут наказаны. Товарищ Сиротин...!?

– Уважаемая Надежда Поликарповна, – вступил в игру сержант, – это я ошибся. На днях в районе совершено серьёзное преступление, мы ищем свидетелей. Но теперь есть уверенность, что ваш сын не имеет к этому никакого отно-

шения. Ещё раз прошу меня извинить, готов понести...

– Вот и хорошо, – прервал его Терентьев и демонстративно порвал бумажку. – У вас есть претензии?

– Есть, – вдруг сказала женщина.

Смирнов и капитан вздрогнули одновременно.

– Вы вот повестку порвали, а что я теперь на работе скажу?

– Ах это, – рассмеялся Терентьев. – Опять ошибка.

Он приобнял женщину за плечи.

– Так мы вам справочку сейчас выпишем. Вот, пожалуйста. А с сыном как? Разобрались?

– С ним всё в порядке, – сказала женщина и недобро взглянула на Сиротина. – И вы, товарищи милиционеры, уж больше так не ошибайтесь, пожалуйста.

Когда женщина ушла, Терентьев усадил Сиротина за стол, сам остался стоять у него за спиной.

– Давай пиши...

Вечером Сиротин распил с Софой бутылку шампанского, и, прежде чем идти в постель, дал ценные указания, как они дальше будут сотрудничать, пообещал не изменять и не пить... много. Утром поцеловал её влажный глаз, нелепо моргавший спросонья, забрал чемодан и двинулся к Киевскому вокзалу.

В Боровске родное отделение встретило его подновлён-

ным крыльцом, покрашенным в грязно-жёлтый цвет фасадом и новой вывеской с позолоченными буквами – «Боровское линейное отделение УВД Киевской дороги».

Борщёв, теперь уже в чине полковника, хмуро поздравил его с возвращением «в альма матерь, так сказать» и положил перед Сиротиным приказ о назначении его старшим инспектором и новенькие погоны младшего лейтенанта.

– Работать с тобой будут Лобанов, Попов и Зозуля. Ты их знаешь. Кабинет там, в конце коридора. Вот ключи. Оперативка в 10.00.

Сиротин демонстративно откинул и вернул к глазам руку, освободив от рукава позолоченные часы «Сейка» на толстом запястье.

– Значит, через двадцать пять минут и... – Он пальцем стёр невидимую пылинку с кристаллического гранённого стекла и добавил, – и тридцать две секунды.

Медленно поднялся.

– Разрешите идти?

В начале оперативки Сиротин протянул через стол коллегам руку, глядя твёрдо и чуть насмешливо каждому в глаза. До этого, перед самым выходом из своего кабинета, он перекинул часы на правую руку, и, судя по всему, желаемый эффект был достигнут: старший инспектор Рассохин, предпенсионного возраста капитан, удручённо покачал головой, тяжело вздохнул и надвинул рукав на свою потёртую «Славу»; получивший совсем недавно вторую звёздочку на по-

гоны лейтенант Млечин одобрительно цыкнул зубом; секретарь Попова покраснела и кокетливо заправила за маленькое ухо выбившуюся из «бабетты» прядь.

Главной темой начальник обозначил два нераскрытых убийства. В течение месяца в районе станций Балабаново и Рассудово обнаружены трупы молодых женщины 25 и 27 лет. Тела найдены в лесу. Следов борьбы или побоев не обнаружено.

– Обе задушены и изнасилованы или наоборот, – заключил полковник.

– Скорее всего первое, – вставил Сиротин.

Начальник отложил рапорт пристально посмотрел поверх очков на наглеца, поднял вопросительно брови и с лёгкой усмешкой обвёл взглядом остальных.

– И с чего такое драгоценное мнение, товарищ старший инспектор?

– Так вы сами сказали: следов борьбы не обнаружено, – невинно улыбнулся Сиротин.

– Гм, – задумался на мгновение начальник.

– Так, может он их уговорить смог, и вообще – вдруг знакомый какой? – решил поддержать руководство Рассохин.

– Ну да, знакомые, в лесу...

– Товарищи, – сказал начальник, – прекратите разговоры. Это дело следствия смотреть, кто они такие и по согласию или как. А наше дело обеспечить безопасность граждан. Сейчас всюю идёт сезон летних лагерей. Начальство озабочено:

этих лагерей понапихано везде уйма, а там дети, и родители к ним едут, да и среди персонала лагерей достаточно молодых и красивых девиц. Пока не ясен мотив преступника или преступников. Может их целая банда. Есть версия, что...

– Маньяк? – снова перебил начальника Сиротин.

Полковник отложил бумагу в сторону, снял очки.

– Младший лейтенант Сиротин, – он перешёл на назидательный тон, – бывший товарищ участковый, вы там в Москве понахватались всякой чуши и теперь излагаете нам тут, чёрт знает что. Вам и вам, товарищи, должно быть известно, что маньяки только в Америке и в европах бывают, а у нас их нет и быть не может. Потому что партия и правительство уделяют самое пристальное внимание физическому и душевному, – он поднял указательный палец к потолку – здоровью наших граждан. Те, а среди советских людей таких крайне мало, кто страдает психическими заболеваниями, все, заметьте, – все, находятся на строжайшем учёте или под надзором лучших в мире специалистов в специальных лечебных клиниках, – немного подумал и, лизнув палец, перевернул страницу. – И так, ставлю задачу. Проверять всех подозрительных мужчин крупного или крепкого телосложения, записывать паспортные данные. Без документов... – задерживать до выяснения личности. Чтобы не возникало панических настроений, окружающим гражданам говорить, что идёт плановая проверка в связи с...

–... эпидемией кори, – хихикнула Попова.

– Товарищ Попова! – прикрикнул начальник, развернул газету «Правда». – Ну вот, – щёлкнул по передовице – в связи с подготовкой к празднованию 45-й годовщины пионерской организации. А там где пионеры, там корь, в этом вы абсолютно правы, товарищ Попова. Всем всё ясно? По местам!

Все потянулись к выходу. Сиротин задержался.

– Разрешите обратиться, товарищ полковник. И всё-таки, как они были задушены?

Начальник угрюмо порылся в рапорте.

– Как-как... – он нашёл нужное место и брови его поползли вверх. – Предположительно тонкой, очень прочной бечевой. Орудие преступления пока не обнаружено.

Смирнов удовлетворённо хмыкнул.

– Вот чёрт, – озадачился полковник. – Впрочем, я же сказал – не наше это дело. Кстати, на-ка вот тебе для разминки.

Он протянул Смирнову докладную с штампом Боровской городской поликлиники.

– Что смотришь? Огнестрел! Вот и поезжай прямо сейчас, разберись.

Холин сидел нога за ногу и мерно покачивал парусиновым штиблетом едва не касаясь сапога Сиротина. Это явно была провокация. Сиротин подвинул сапог и, пока укладывал бумагу обратно в планшет, быстро соображал, как поставить

этого наглеца на место.

– Ваши документы, пожалуйста, – твёрдо сказал он, едва сдерживая восторг от удачной мысли.

Штиблет Холина замер.

«Ага, подействовало, – возликовал Сиротин, – ну сейчас ты у меня повертись!»

– Вот мои документы, – ответил Холин, пальцем обозначив овал своего лица.

За спиной милиционера кто-то хмыкнул.

– Сам же сказал, что он Холин, – съязвила Матрёна, – а теперь паспорт требует.

– Прошу не мешать следствию, – строго сказал Сиротин, не спуская глаз со штиблета спортсмена. – Гражданин, ваш паспорт, пожалуйста.

– Вам какой, – насмешливо спросил Холин, – наш, советский, или заграничный?

– Оба.

На стол легли две книжки. Сиротин не глядя взял паспорта и засунул в планшет.

– Позвольте?! – слегка возмущился Холин.

– До окончания следствия они побудут у меня.

– Ну вы даёте, товарищ, – уже с угрозой в голосе произнёс парень. – Вы что, меня подозреваете?

Илья увидел, как чёрный пук на его голове зашевелился, будто змея. Глаза Холина сощурились, скрывая подступивший из глубины мрак.

Сиротин старался не глядеть на Холина, сомневаясь, что сможет выдержать его самоуверенный напор. Понадёжнее затынул застёжку планшета и только после этого поднял глаза.

– И так. Этой ночью вы были здесь и всё видели.

– Ну да. Мы с приятелем, кстати, тоже очень уважаемым человеком, вчера вечером остановились на берегу реки. Захотелось немного отдохнуть. Я решил прогуляться, а приятель остался в машине. Проходя мимо этого дома, я увидел, как вот этот молодой человек – он указал на Илью – вышел из сарая и ни с того, ни с сего начал палить в воздух. Мне стало интересно: может быть здесь так принято. Знаете, я бывал в разных странах и таких обычаев навиделся! Например, в Нигерии...

– Попрошу не отвлекаться, – оборвал его Сиротин.

–... однако через мгновение, – как ни в чём не бывало продолжил Холин, – на двор выбежал, я так понимаю, дедушка этого молодого человека. Я подумал, что нужно ему помочь и открыл калитку. Дедушка отобрал ружьё у молодого человека и тут увидел меня. Не знаю, что старику взбрело в голову, но он стал мне угрожать этим ружьём. Я хотел объясниться, но дедушка с юношей скрылись в доме. Тогда я крикнул, что ухожу, но в ответ услышал выстрел. Стреляли через дверь. Мне ничего не оставалось как удалиться, чтобы не нарушать покой местных жителей.

Илья следил за Холиным и всё больше убеждался, что

рассказ предназначался не для милиционера, а для него. Несколько раз поймал на себе его серьёзный и в то же время насмешливый взгляд, будто тот говорил: «Учись, шкет, как врать надо!».

Конечно, изложенная версия полностью лишала Сиротина возможности арестовать дедушку, если... если только не принимать во внимание то, что в действительности дедушка пальнул в Илью из обоих стволов и тяжело ранил.

Илья заметил, что примерно с середины выступления Холина Сиротин потерял интерес к его вранью и всё чаще поглядывал на забинтованную руку Ильи. Илья решил незаметно спрятать руку за спину.

– Ну да, ну да, – задумчиво сказал Сиротин, – всё совпадает. Мальчик разбудил дедушку, тот вышел, увидел маньяка, спасая внука, спрятал его в доме и на всякий случай пальнул через дверь для острастки.

– Всё ясно. Стечение обстоятельств, – вдруг заявил Борис. – Бытовуха. Евдокия, надо корову доить. Да и мне тоже пора.

– Стоять, – прорычал Сиротин.

– А чего стоять-то! – вскинулась на него Евдоха. – Вы зачем трудовой народ здесь держите?

– А вот это, что? – крикнул Сиротин и потряс бумагой доктора. – Здесь русским языком написано – огнестрел в грудь и в руку.

– Мало ли что там написано, – окончательно обнаглела

Евдокия, – и на заборе написано...

Сиротин вдруг с грохотом отодвинул стул и схватил Илью за шею.

– Майку задери, – приказал он.

Илья послушно снял майку. Сиротин повернул его всем на обозрение и сорвал со спины перепоясавшие тело мальчика бинты.

Дед без сил присел на освободившийся стул. Матрёна захохла, закрывая рот платком:

– Господи, худющий какой!

– Худющий! И всё? – крикнул Сиротин. – А это что?

Он крутанул Илью к себе как «волчок» и... застыл в полном изумлении. Потом повернул ещё пару раз, пытаясь найти хоть один кровавый след.

У Ильи от этих вращений закружилась голова, его мучила только одна мысль – что стало с рукой. Лучше бы её совсем не было!

Сиротин был в бешенстве. Это чёрт знает что такое. Проклятый доктор. Проклятый мальчишка и мерзкие дед с бабкой. Цирк какой-то! Но этого не может быть, что бы вот так опозориться. А может быть ему просто не везёт сегодня, может быть карма какая-то разыгралась. Ладно, посмотрим. Для чистоты эксперимента...

– Понятая, – он протянул руку к Елизавете, – разбинтуйте ему руку.

Елизавета охнула и подалась назад.

– А может быть, я?

Холин незаметно для всех оказался рядом с Ильёй.

– Ну, значит, вы, – хмуро согласился Сиротин.

Холин осторожно и, как показалось Илье, намеренно медленно стал разматывать бинт. Илья со страхом смотрел на свою руку. Она почему-то начала побаливать. Когда оставалось всего несколько витков, Илья побледнел и был готов потерять сознание. Вдруг он заметил, как при очередном обороте из бинта вылез паук, подмигнул Илье, снова помахал лапкой и неожиданно исчез в рукаве рубашки Холина.

Илья от волнения на мгновение отключился, а когда открыл глаза, увидел как Холин, улыбаясь, показывает всем соборную в комок белоснежную ленту. Когда он проносил её мимо Ильи, из складок выпала большая щепка.

Матрёна быстро подобрала её и спрятала под передник.

Сиротин был раздавлен. Он молча протянул Холину паспорта, забрал протянутую Матрёной фуражку, не заметив, надел задом наперёд, и медленно пошёл к "Уазику". Но вдруг остановился.

– А тогда зачем доктор приезжал? – быстро спросил он.

– Так Илье вдруг плохо стало. Видать, испугался малец, – без тени смущения ответила Матрёна.

– А бинты с какого... наложил?

– Так ты, это... у доктора самого и спроси, он нам не объяснял.

Сиротин сплюнул на собственную тень, крутанул фураж-

ку на голове, приложил два пальца ко лбу, поверяя по уставу положение козырька.

– Ну ладно, я пошёл.

– Да уж, иди, сынок, — сочувственно вздохнула Матрёна. — Может, водички?

Сиротин сверкнул глазами на бабуку и тяжело уставился на Илью.

– Ещё увидимся, парень.

Потом повернулся к Холину.

– Вы уж не держите зла, Иван Виленович. Служба, сами понимаете.

– Да что там. Всякое бывает, — засветился искренней доброжелательностью боксёр, — вот помню в Гондурасе...

– Да уж. Но у нас, к сожалению не Гондурас, — тяжело вздохнул Сиротин. — Вас подвезти до станции.

– Ну что вы. Я же говорил, у меня машина.

"Уазик" скрылся за поворотом. Холин протянул руку Илье.

– Давай прощаться, Илья ибн Викторович Шторц.

Илья храбро протянул правую, чудесным образом выздоровевшую руку, но едва не отдёрнул её, когда Холин начал сжимать ему пальцы.

– Ничего, дружок, — улыбнулся Холин. — Пройдёт. В науке это называется «фантомные боли».

Холин к удивлению Ильи не направился к калитке, а пересёк небольшой яблоневый сад, расположенный за домом,

легко перемахнул через забор, собранный из крест-накрест закреплённых на столбах жердин, и, забирая влево по тропе вдоль рощицы, скоро скрылся из виду.

Шурыгина

Илья обнаружил, что стоит один посреди двора. Полкан выбрался из будки, посмотрел извиняющимися глазами, сунул морду в пустую замызганную миску и сдвинул её поближе к будке. Потянулся, но не достал до руки мальчика, чихнул, пару раз крутанулся вокруг оси и улёгся напротив двери в дом.

В сенях Илья увидел деда. Тот разобрал ружьё, завернул в тряпицу, уложил всё в узкий деревянный ящик, взглянул на Илью, вздохнул, покачал головой, приладил сверху доску и забил ящик наглухо.

– Вот так, здесь ему место теперь будет. Накось, забрось на чердак.

Илья послушно поднялся по крутой лестнице, сначала просунул ящик, потом протиснулся сам в узкий лаз. Здесь пахло сухими травами и пылью. Поставил ящик на штабель досок под скатом крыши, выглянул в маленькое оконце с тыльной части дома.

Отсюда до реки было метров сто, если идти прямо и вниз через заросший разнотравьем луг. Сама река только угадывалась в складке между лугом и каким-то вызывающе диким, заросшем высокой травой и корявыми деревцами, низким

противоположным берегом.

Слева, где закачивалась роща, стояла чёрная, длинная и удивительно плоская легковушка с блестящим значком на капоте. В неё с пассажирской стороны собирался сесть кто-то высокий, одетый во всё чёрное. Закинув ногу в машину, он на секунду замер, быстро обернулся, приставил руку ко лбу, прикрываясь от солнца, и посмотрел в сторону дома.

Илья в этот момент пытался представить, как может поместиться этот дылда в машине, крыша которой была ему по почти по пояс, и только сейчас сообразил, что человек устался именно на него. Он быстро отступил вглубь чердака и присел.

Когда снова выглянул в окно, машины уже не было, а на том месте где она стояла, расположилась группа мальчишек и девчонок. Они разделились на группки – слева мальчишки, справа—девочки.

Спиной к реке стояла женщина и громким голосом отдавала приказы:

– Шурыгина, – был слышен её зычный голос, – я же говорила, чтобы часы и ценные вещи оставить в корпусе. Где ты их потеряла. Ну иди теперь, ищи. Дети, быстро раздеваться.

Шурыгина, полная высокая девица с длинной косой за спиной, уныло поплелась в сторону рощи, в то время как остальные девочки быстро скидывали с себя платья, оставаясь в купальниках.

Трое мальчишек прыгая на одной ноге, чтобы скинуть

брюки, толкались, пытаясь сбить друг друга на землю. Большинство предпочли осуществить эту процедуру, сидя на земле. В стороне двое разлеглись на траве и уставились в небо. Но для Ильи было ясно, что сейчас всё внимание парней было сосредоточено на девичьей раздевалке.

Очевидно, женщина – воспитательница тоже раскусила мальчишек и переместилась между мальчиками и девочками, сужая своим крупным телом перспективу обзора. Через минуту по обе стороны от неё ребята выстроились в шеренги.

Появилась Шурыгина, понуро прошла вдоль строя мальчиков, не замечая их возбуждённых и насмешливых возгласов, потом подошла к воспитательнице и ткнулась ей головой в грудь. На мгновение все затихли.

Женщина погладила девочку по голове, что-то сказала в утешение. По её приказу подбежавшие было к ним девочки вернулись обратно в строй, а Шурыгина опустила на землю у ног воспитательницы и закрыла лицо руками.

– Всем купаться! – крикнула женщина.

Через мгновение на лугу остались только она и Шурыгина. Из реки раздались восторженные крики и девчачий визг. Этот восторженный гул, повисший над рекой и лугом, никак не соответствовал печальной сцене, разыгравшейся перед Ильёй.

Воспитательница подошла к сидящей девочке и протянула руку к её голове, но Шурыгина неожиданно толкнула её в

колени и упала лицом в траву. Плечи девочки содрогались от рыданий. Женщина опустилась рядом на траву и стала гладить её по спине, утешая.

Илья не выдержал. Он скатился по лестнице, едва не сбив деда с ног. Ему срочно нужны были брюки и рубашка.

– Бабуля! Где мои вещи?

На кухне что-то загремело, покатилося по полу. В комнату вбежала Матрёна.

– Илюша, что с тобой. А я думаю, куда это мой внучек запропастился, – ласково затараторила она, – сейчас картошечки....

– Не нужна мне твоя картошка, – вскинулся Илья. – Куда ты дела мои брюки?

– А тебе зачем? – Матрёна вдруг поджала губы и уставилась на Илью. – Ты что задумал?

– Дед, – позвала она, – иди-ка сюда. У друга твоего, похоже, с головой неладно.

– Что такое?

– Что, что, – не спуская подозрительных глаз с Ильи, медленно выговорила Матрёна, – видала я и такое. Вязать его будем, вот что. Говорила я тебе, старый, крестить его надо. Живут в нём бесы. А теперь наружу просятся. Вон глазищи-то какие, будто пожар какой.

При упоминании бесов Илья как-то сразу сдулся, сел на кровать, потрогал правую руку и вдруг заплакал. Матрёна присела рядом.

– Это где же видано, – запричитала она, – надясь лежал, весь в поту, бредил нехорошими словами, а на утро встал, и пошёл. Дед, – она всхлипнула, – это же страсть какая. А теперь вот снова покидает нас.

– Да что же ты разревелась, старая, – заворчал дед. – Я этого супостата в ящик и на чердак.

– Кого? – испугалась бабка.

– Да ружьё это проклятое. Вот Илья помог. Илья, —повернулся он к внуку, – или ты что там, на чердаке, увидел? Хотя, что там могло быть.

– На чердаке? – Илья перестал плакать. – Ну да, конечно. Там девочка, и я хочу ей помочь. Ну точно! Бабуля, дорогая, никуда я не уйду, мне просто очень нужно помочь человеку.

– Да где ж этот человек-то, – спросила бабка, – на чердаке что ли. Бес это!

– Да что ты всё – бес, да бес, – разозлился Илья, – там на лугу девочка, она потеряла часы. Хочешь, сама посмотри. А мне некогда. Давай сюда штаны, или я так пойду.

Матрёна, поджав губы, вышла и вернулась с брюками и рубахой. Протянула Илье.

– А в церковь пойдёшь?

Илья быстро оделся. Увидел, что Матрёна уже успела заштопать рубаху и штаны.

– Спасибо, ба, – сказал он и поцеловал сухую морщинистую щёку. – А церковь...—он вспомнил рукопожатие Хо-

лина, невольно крутанул правой рукой. – Потом поговорим.

Илья выскочил из дома, так же как Холин сиганул через жердину и побежал к роще. Пересёк её под углом, с таким расчётом, чтобы оказаться на тропе метрах в двухстах от того места, где расположился отряд.

Он был почему-то абсолютно уверен, что найдёт часы Шурыгиной. Так и получилось: маленькие часики с циферблатом, размером с двухкопеечную монету, лежали на тропинке. Около пряжки ремешок перетёрся и они упали с руки девочки. В месте находки тропа резко сворачивала от реки. Очевидно, Шурыгина испугалась заблудиться и просто не дошла до этого места.

Илья вышел из рощи. Ребята уже одевались. Наставница внимательно следила за тем, чтобы после них ничего не осталось. Шурыгина успокоилась и помогала подругам снять под платьем мокрые купальники.

Она первая заметила Илью и теперь не сводила с него глаз.

Увидев Илью, мальчишки бросили переодеваться и насторожились. Один из них, уже одетый, двинулся в его сторону, наматывая на руку солдатский ремень с пряжкой. Другие столпились, заслоняя девчонок.

Илья остановился в смущении. Если он вот так сразу подойдёт к Шурыгиной и отдаст ей часы, то все сразу подумают, что он подсматривал.

А девчонка не сводила с него глаз, будто знала, что он именно за этим пришёл.

Всё вовсе не так. Он просто нашёл чьи-то часы и решил спросить...

Сомнения Ильи прервала воспитательница.

– Степанов, – крикнула она, – надень ремень. А вы, молодой человек, идите куда шли.

Ребята расступились и Илья подошёл к женщине.

– Здравствуйте, – сказал он. – Купаетесь?

– Да закончили уже, – услышал он со спины насмешливый голос Степанова.

– Степанов, – строго сказала воспитательница, – помолчи, пожалуйста. Не с тобой разговаривают. Так вы что-то хотели сказать?

Илья поглядел на Шурыгину. Та быстрым движением скинула на грудь косу и стала теребить её пальцами. Илья почувствовал, что краснеет. Кто-то из девчонок, внимательно наблюдавших за ними, захихикал.

– Да, ну... – окончательно смутился он. – В общем я тут гулял. Нет, я здесь живу... вон в том доме.

– Местный, значит, – услышал он совсем рядом за спиной голос всё того же неугомонного парня.

– Нет, я не местный, – сказал Илья переводя взгляд с воспитательницы на Шурыгину. Он заметил, что девушка тоже покраснела, и тут же ощутил, что рубашка под мышками намочла от пота.

– Как это не местный, когда сам говоришь, что живёшь здесь, – уже с подозрением уставилась на него женщина.

Илья решил, что если он ещё что-нибудь такое произнесёт, то стоявшие за его спиной мальчишки, которые, похоже, года на два его младше, просто засмеют его, а девчонки... просто страшно подумать, что сделают эти глупые и наглые девицы. Он молча протянул женщине часы.

Шурыгина будто ждала этого момента. С радостным криком она выхватила у Ильи часики.

– Ольга Петровна, – радостно закричала она, – нашлись! Она быстро обернулась, с восхищением взглянула Илье прямо в глаза и добавила: – Он нашёл. А я вас знаю, вы учитесь у нас в школе в восьмом «Б».

– В девятом, – с достоинством произнёс Илья, – математическом.

– Ах, ну да. Теперь в девятом, – почему-то заулыбалась Шурыгина. – А я теперь в восьмом.

– Да, да, – сказал он, – помню, кажется.

У Ильи появился повод, не скрываясь, повнимательней присмотреться к девчонке.

По школьной традиции мальчишки из старших классов мало обращали внимания на, как они с лёгким презрением их называли, малолеток. Кроме того, по заведённому образовательным начальством порядку седьмые, восьмые, девятые и десятые классы размещались на четвёртом и пятом этажах. Таким образом, старшеклассники не пересекались с шелупонью даже на переменах. Время от времени, старшие това-

рищи делали налёты на «долину», чтобы утвердить своё превосходство и просто развлечься.

Один раз, когда какой-то принципиальный пятиклассник, заметив курившего в туалете на третьем этаже Юрика Трофимова, пообещал доложить об этом вопиющем проступке директору, отрядом бойцов восьмого «Б»: Юриком Трофимовым, Авдеем, Чапой с примкнувшими к ним кунаками Чапы, семиклашками Шторцем, Ляпустиным и Мещерей, было принято решение устроить показательную экзекуцию.

В большую перемену ребята спустились с «Олимпа», собрали без половых различий всю безумно носившуюся по этажу мелочь и заперли вопящую от несправедливости и страха толпу в туалете для мальчиков на висячий замок.

Конечно потом вызывали родителей, грозили выгнать из комсомола и вообще из школы. Всё как обычно. Но был момент, который больно задел Илью. Это когда всех мальчиков его класса построили в актовом зале и вдоль шеренги, внимательно вглядываясь в лица, прошли директор, завуч и пионервожатая Ирина Щёлкина.

Выявляли зачинщиков и непосредственных участников. Поначалу никто, конечно, не сознался. Трофимов ухмылялся во весь рот и, выворачивая шею, внимательно следил, кто что скажет.

Это было первое, что не понравилось Илье. Получалось так, что из-за их выходки могли пострадать и невиновные, те кто не принимал участие в операции.

Когда директор остановился перед Васей Комиссаровым, за два человека до Ильи, и задал ему вопрос, Илья решил, что признается. Было немного страшно. Рядом сопел и переминался Мещеря. Илья толкнул его локтем в бок и вопрошительно посмотрел в глаза. Мещеря всё понял, но отрицательно замотал головой. Но директор до них не дошёл.

Фёдору Ивановичу самому была неприятна вся эта процедура. Он пошёл на поводу у завуча и пионервожатой и теперь жалел об этом. На память пришла похожая сцена, когда вдоль строя оставившего боевые позиции его взвода проходил особист, выявляя паникёров.

Он отошёл от шеренги и объявил:

– Раз никто не хочет признаваться, тогда каждый из присутствующих будет обязан отработать в школьном саду три дня в осенние каникулы. Евдокия Петровна, — обратился он к завучу, — прошу проследить.

Он уже собирался уходить, когда его схватила за руку пионервожатая.

– Нет, Фёдор Иванович, — сказала Щёлкина, — это не правильно и не справедливо.

– Да? — поморщился директор. — А что вы предлагаете, уважаемая?

– Есть свидетель, — храбро заявила девушка.

И тогда в зал вошла Мила Шурыгина...

Сейчас, в этот солнечный летний день, глядя, на строй-

ную, немного полную, почти одного роста с Ильёй девушку в платье в горошек, с круглым в веснушках лицом, небольшим курносым носом и карими с разноцветной радужкой глазами Илья с трудом признал в ней ту маленькую худенькую девчонку, с бледным от волнения лицом и горящими глазами, которая тогда, в школе, бесстрашно, напрямик направилась сначала к Трофимову, потом вытащила из строя сопротивлявшихся Авдея и Женьку Ляпустина.

Не дожидаясь очной ставки, из строя вышел Сергей Чаплыгин, за ним ещё один зачинщик.

– Ну, я пошёл, – прошептал Мещеря и тоже сделал шаг вперёд.

Илья немного замешкался, поражённый происходящим, и поэтому не успел выйти вслед за другом, хотя только что сам агитировал его сдать. Но теперь он не мог этого сделать, так как перед ним вплотную стояла Шурыгина.

Она посмотрела ему прямо в глаза и почему-то резко отвернулась и прошла мимо.

Илья от неожиданности даже закашлялся.

– Эй, ты куда? – чувствуя, что выглядит ужасно глупо, крикнул он девчонке в спину.

Но Шурыгина будто не услышала, прошла до конца шеренги и встала у окна спиной к залу.

Мещеря возмущённо фыркнул, Трофимов громко заржал.

– Во даёт, девка!

– Молчать, Чаплыгин, – строго прикрикнул Фёдор Иванович.

– И так, Ирина Николаевна, – сказал он, обращаясь к пионервожатой, – теперь, кажется, всем всё ясно.

– Ничего не ясно, – раздражённо крикнул Илья. – Эй, ты, – грубо окликнул он девчонку, – скажешь, меня там не было?

Шурыгина вздрогнула и обернулась. Яркий свет от окна мешал разглядеть её лицо, но Илья видел, что она вся дрожит.

– Я не знаю, – голос её сорвался. – И... Идите вы все к чёрту, – вдруг крикнула она, громко всхлипнула и бросилась вон из зала.

С чувством исполненного долга, чрезвычайно довольный собой, Илья наворачивал картошки с мясом, выпил стакан молока.

– Накось, съешь солёненького огурчика, – сказал Матрёна и любовно погладила внука по голове.

– Солёное, с молоком? – вяло возмутился разомлевший от пищи Илья, но благосклонно с хрустом всё же надкусил огурец.

– Пока деда нет, – таинственно зашептала Матрёна, – я тебе тут подарочек припасла.

Перед лицом Илья что-то повисло на тонкой бечёвке.

– Что это, ба?

– Я тут подумала, – продолжала шептать бабка, – коли ты комсомолец, то в церковь тебе нельзя. Да и дед наш... вон дрова колет. Но Господь тебя бережёт. Так я тебе вместо крестика вот это хочу на шею повесить.

Илья ощутил в руке шершавую деревянную поверхность. Это была та самая щепка, что застряла у него в руке.

– Ты присмотрись, – попросила Матрёна и голос её слегка задрожал, – видишь вот это пятнышко. А вот ещё. Это твоя кровь.

От неожиданности Илья поперхнулся огурцом. Бабка сильно ударила его по спине.

– А ты думаешь, мы с дедом ничего не видели, не понимаем? Только объяснить это нельзя. Ты сам-то, как думаешь?

Ещё бы он не думал... А когда ему было думать? Ночь провалялся почти без сознания. Потом этот Сиротин. Деда надо было спасать. Голова другим была занята...

Ещё как думал, и только как чудом всё произошедшее с ним назвать не мог. Это факт. И чудеса эти происходят с ним с того момента, как они с Чапой чуть не погибли там, под землёй, на кладбище.

Допустим, что Аратрон и Хи-хаак в метро, этот толстяк с щупальцами и его похожий на девушку помощник здесь под потолком – это всего лишь фантазии его больной головы, призраки. Но фигуры у могилы видел не только он, но и Чапа. Только тогда они решили никому об этом не расска-

зывать. Их бы засмеяли все. И больше не говорили об этом, потому что Илья решил бежать к деду с бабушкой... Интересно, как там Чапа?

Рука – это чудо для бабушки с дедом, а для него – абсолютная реальность. Он же видел паука с ножками, уж он-то совсем живой. Вон и паутина до сих пор в углу висит. А то, что паук перебрался к боксёру Холину в рукав, а тот сделал вид, что так и надо... Другой бы заорал от страха. А то, что этот товарищ Холин похож на... Ну и что? Ведь Холин живой, он же Илье руку жал. И всем жал! И этому гаду Сиротину. И не будь Холина, ещё неизвестно, остался бы дедушка на свободе. А чёрный человек в машине...

Илья помотал головой, останавливая обрушившийся шквал мыслей.

– Ну, не хочешь, не говори, – по-своему истолковала реакцию внука Матрёна, – только ты береги себя, Илья, а я на тебя записочку напишу и свечку поставлю.

– Согласен, ба, – улыбнулся Илья, – и лучше будет, если обо всём этом больше никто не узнает. Мне же ещё в партию вступать, – пошутил он.

– И даже батюшка?

– Ба, ты что, издеваешься? – возмутился Илья. – Ты мне лучше скажи, где здесь пионерский лагерь?

–... и Виктор, и мама твоя? – продолжила вопрошать бабушка.

– Никому, – твёрдо сказал Илья. – Дед, ну скажи ты ей.

Вошедший в комнату дед хмуро уставился на бабу с внуком.

– В субботу родители твои приедут. Матрёна, ты сноху знаешь. Ей нельзя волноваться, она в ЦК работает. А Виктор, если узнает обо всём, Илью обязательно выпорет. Тебе это нужно? Да и этот лейтенант... Сиротин, кажется... Он это так не оставит. Они нынче злые все на народ. А всё Хрущ этот проклятый с его секретным докладом. Хорошо я на пенсии – я бы тоже, наверное, поубивал всех.

Чапа

Два года назад, ученик восьмого класса 711-ой школы по Кутузовскому проспекту Чаплыгин Сергей Иванович влюбился в Ирину Николаевну Щелкину.

Это событие никак не вписывалось в размеренную и несчастную жизнь Сергея, который с первых дней учёбы в школе получил обидное прозвище «толстый», а начиная с шестого класса, с лёгкой руки его друга, Лёхи Агафонова, маленького худющего мальчика с длинной головой на тонкой шее и в очках с толстыми стёклами, он обрёл кличку Чапа, созвучную фамилии и в точности соответствующую неказистой фигуре и тяжёлой плоскостопой походке.

Хрен редьки не слаще! – и Сергей продолжал страдать, особенно когда приходилось выходить в спортзал в одних трусах и майке. В то время как тот же Лёха под восторженные крики девчонок лихо крутился на перекладине, Сергей

в сторонке безуспешно пытался оторвать своё грузное тело от земли, подтягиваясь на канате.

Учитель физкультуры Александр Иванович Пахомов, бывший баскетболист, не скрывал своего презрения к таким недотёпам как Сергей или Светка Сазонова, которая тоже выделялась ростом и своими пышными формами среди в основном худеньких и стройных девочек, и к тому же была огненно рыжей с веснушками по всему лицу и плечам.

Но в отличие от Светки, которая надавила на жалость и выпросила у физрука с помощью своих родителей и липовой медицинской справки освобождение от физкультуры, Сергей на каждом уроке вынужден был бороться с канатом, в то время как ребята играли в баскетбол, а девчонки занимались гимнастикой.

В конце концов у Сергея незаметно для него самого сформировался -как он случайно услышал в очереди в поликлинике и тут же впечатал в свою судьбу этот термин – комплекс неполноценности. Когда пришло время по другому глядеть на девчонок и не удовлетворяться только дёрганьем их за косички и задиранием юбок, Сергей и вовсе почувствовал себя изгоем. Даже Светка Сазонова удивлённо хмыкнула и презрительно отвернулась, когда он, набравшись храбрости, предложил ей вместе готовить домашнее задание. Чего уж говорить о Ленке Елиной, высокой блондинке, с белыми ногами – бутылочками, или о красавице Катьке Шестак, которая, каждый раз нарочно, как бы удивлённо вскидывала бро-

ви, когда слышала, как на уроке учительница называла фамилию Чаплыгин. Мол: «Кто такой?»

Всё изменилось внезапно.

В один из дней физрука посредине урока вызвали к директору и ребята остались в спортзале одни. К Сергею подошёл Лёха и на полном серьёзе предложил помочь взобраться по канату. Он показал как надо делать хват, чтобы руки не скользили и как зажимать канат ногами, создавая упор для отталкивания.

Сергей попробовал и у него получилось. На радостях, что он сможет наконец как все ребята дотронуться до пятиметрового потолка рукой, Сергей пополз вверх. Но достигнув середины каната, вдруг почувствовал, что начинает раскачиваться. Глянул вниз: Лёха и ещё пара ребят ухватились на конец каната и начали раскачивать его с угрожающей амплитудой.

Сергей судорожно вцепился в витое тело каната, но старался не подавать виду, что ему страшно, и сначала даже заулыбался проделке товарищей. Но когда при очередном качке его тело оказалось на высоте трёх метров и вне спасительного четырёхугольника разложенных на полу матов, Сергеем овладел жуткий страх.

В этот момент вернулся физрук.

Александр Иванович только что получил нагоняй от директора за то, что разрешил Сазоновой не появляться на уроках, и был страшно зол на этих проклятых толстяков, которые портили ему все показатели при сдаче норм ГТО. Стоявший «на стрёме» Пашка Комиссаров ещё на лестнице «засёк» физрука, и когда тот появился в зале, ребята уже сидели на лавочке вдоль стены, а Сергей в одиночестве продолжал исполнять роль маятника под потолком.

Ни слова не говоря, Пахомов размахнулся и запустил в его сторону тяжёлую связку ключей, которую всегда держал в руках. Снаряд нашёл цель как раз в самой высокой – «мёртвой» – точке раската маятника.

Сергей почувствовал резкую боль в спине, разжал руки и с коротким сдавленным криком спиной плашмя рухнул на пол рядом с матами.

Завизжали девчонки, ребята кинулись к Сергею, а он лежал, уставившись в потолок, в полном сознании, но совершенно не чувствуя тела.

Перед ним возникло красное, с бледными тонкими губами лицо Александра Ивановича. За ним сначала удивлённые, с каким-то странным интересом, а затем полные ужаса глаза Лёхи.

– Серёжа, – спросил физрук, – ты как?

Сергей увидел, как взлетела вверх его собственная рука и ухватилась за ворот олимпийки Пахомова.

– Ты чего это? – удивился Пахомов.

– Нормально, – с трудом выдавил Сергей из груди воздух и с ужасом подумал, что может больше никогда не вздохнуть.

– А...а! – закричал он, наполняясь счастьем, как только воздух вновь наполнил лёгкие.

Физрук под мышку, а ребята за ноги схватили Сергея, собираясь поднять.

– Стойте, – вдруг раздался голос Ленки Елиной, – его нельзя трогать. Мне мама говорила, что если человек упал с высоты, то должен оставаться неподвижным. Надо вызвать скорую.

– Какую скорую, девочка! – грубо оборвал её физрук и тут же добавил, – Леночка, мы же не знаем, что с ним?

– Вот именно, – продолжала гнуть своё Ленка, – поэтому нужен врач.

Тут Сергей увидел, с какой мольбой глядят на него глаза Александра Ивановича, и тут же сообразил, что для физрука этот день может стать последним в его пребывании в школе, а то и на свободе.

– Не надо скорую, – как можно твёрже сказал он, – со мной, вроде, всё в порядке.

Может быть от такого неожиданного общего внимания и сочувствия, от осознания внезапно возникшей собственной значимости в судьбе физрука, от Ленкиного голоса, в котором слышались настоящая забота и страх за его жизнь, он и вправду почувствовал неожиданный прилив сил и нежи-

данно присел.

– Ну, слава Богу! – сказал физрук, – живой.

Ребята подхватили Сергея и отвели в раздевалку. Физрук отпустил девчонок, попросив никому ничего не говорить. Увидев, как Сергей, поддерживаемый ребятами, но всё же своими ногами добрался до раздевалки, они, кроме Ленки Елиной дружно пообещали молчать. Только Мирошкины воспользовались моментом и потребовали вернуть в строй Сазонову и всем девчонкам поставить зачёт по ГТО.

Лена осталась в раздевалке. Она, как учила её мать, попросила Сергея несколько раз мотнуть головой и спросила, есть ли головокружение. Внимательно посмотрела зрачки, попросила несколько раз шевельнуть руками и ногами. Сергей с удовольствием сделал всё, что она просит. Девочка, кажется успокоилась и напоследок погладила его по щеке. Сергей покраснел и счастливо заулыбался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.